

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВ

АЖЕ-АБСОЛЮТ

Александр Владимиров

Лже-Абсолют

«Кислород»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

Владимиров А.

Лже-Абсолют / А. Владимиров — «Кислород», 2019

ISBN 978-5-901635-86-5

Пирамиды – одно из самых загадочных сооружений на земле. Это вечность, изваянная из камня и хранящая тайны, в которые могут заглянуть лишь посвященные. Сотворили их руки человеческие или возвели обитатели иных измерений. Тайна, в которую необходимо проникнуть. Или... в нее вовсе не стоит проникать? Этим вопросам и посвящен удивительный по своей глубине мысли и образности языка роман Александра Владимирова.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-901635-86-5

© Владимиров А., 2019
© Кислород, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	33
Глава шестая	41
Глава седьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Владимиров

Лже-Абсолют

© А.Владимиров. Текст, 2019

© Издательский центр «ЛиК», 2019

© Издательский дом «Кислород», 2019

Часть первая

Глава первая Когда улыбается смерть

...Сначала царила полная и бесконечная темнота. Потом, точно из ничего, вылепились маленькие фигурки. Они оживали, суетились, делали какие-то движения, сперва незамысловатые – обычный взмах рук, затем картина усложнилась: Федору показалось, что фигурки танцуют. Движения рук их были похожи на балетные па. Таинственные существа начали расти, приобретая силуэты реальных людей. Люди громко заговорили, пускали остроты, над которыми сами же с упоением смеялись. Нет, они не танцевали, они сидели за большим столом.

Внезапно над шумной компанией возвысилась молодая женщина с лицом дерзким и страстным, ее звонкий голос опоил сознание колдовской поэзией:

«Июль пылал невыносимым зноем,
Метало солнце огненные стрелы
И языки ленивого прибоя
Песок лизали, словно сахар белый...»

Кто она, та неведомая поэтесса? Надо внимательнее всмотреться в ее лицо, глаза. «Не прячь их, слышишь!» Она и не думала прятаться. Наоборот, взгляд женщины пронзал каждого, пронзал так, будто присматривал себе жертву...

«И изнывали томные деревья,
Листву роняли, не давали тени.
И сохнувшей травы торчали перья,
Царапали горячие колени...»

Каждая строчка, слово окунали в безбрежный омут; Федор почувствовал себя участником неких событий, о которых ему упорно твердил женский голос:

«Взгляд, как ожог, внезапен и настойчив...
Еще ни слова вслух не прозвучало.
Горела кожа, кровь в висках стучала.
И веяло дыханьем летней ночи...»

– Стоп! – сказал себе Федор, – слишком уж быстро этот огонь распространяется по моему телу. Так нельзя, еще секунда – и сгорю!»

...Кадры поменялись: теперь – ночная осенняя улица, издевательские насмешки в его адрес, за которыми последовали – угрозы. Началась драка и, кажется, он кого-то отделал. Или отделили его?..

И опять – тишина и чернота. Он мирно плыл по неведомому течению. Плыл, пока резкий звон не потребовал пристать к берегу. Не хочется! Никак не хочется! Федор мечтал оставаться в странном забытье, отринуть все посторонние звуки. И плыть по течению дальше!

Не получалось! Проклятый звон настигал повсюду. Хоть забирайся в барокамеру! Да он и туда пробьется!

Федор наконец-то открыл глаза. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять: он – у себя дома, в кровати, лежит, подушка на голове... Даже простыни не разостлал. А что за звон?.. В голове, после вчерашнего? К сожалению, трезвонили в дверь.

Он встал, неуверенным шагом направился к двери. По пути взглянул в зеркало. Ну и видок! Волосы взлохмачены, под глазами – круги, на скуле красовался синячище. «Красавец!»

В таком виде ему явно не до приемов. Однако настойчивый звонок вновь бесцеремонно взорвал квартиру. Подчиняясь его жестокой воле, Федор громко крикнул: – Иду я, иду!

Быстро промыл глаза, пригладил редкую шевелюру и распахнул дверь. На пороге – двое: молодая светловолосая женщина и грузный, одутловатый мужчина. У женщины возникший пред очами образ вызвал легкую усмешку, мужчина не прореагировал.

– Москвин Федор Николаевич? – спросила незнакомка.

– Он самый. А с кем имею честь?

Ему тут же предъявили два удостоверения. Следователи прокуратуры? Неужели какие-то нежелательные последствия после вчерашней драки? Так что там было? Ну, пристали «нехорошие парни», потребовали денег... Один вынул нож...

Да, все было именно так!.. Ведь не оставалось иного выхода, и если он кому-то что-то сломал, то это лишь необходимая самооборона...

– Не пригласите войти? – поинтересовалась женщина.

Федор с тоской подумал о царящем в квартире хаосе. Но как откажешь представителям органов!

– Проходите.

При виде разбросанных повсюду вещей насмешка женщины переросла в сарказм, ее партнер по-прежнему напоминал каменное изваяние. – Чай? Кофе? – устало спросил Федор.

– Это лишнее, – послышался низкий голос мужчины.

– Давайте сразу к делу.

– А что случилось?

Боязнь, что он все-таки перешел границы необходимой самообороны, усиливалась. Но у подонков был нож!

– ...Мы насчет Елены Геннадьевны Крамской.

– Крамской? – с трудом соображал Федор. «Причем здесь она? Моя вчерашняя драка не интересует следователей?!»

– Вы хорошо с ней знакомы? – мужчина игнорировал его вопрос.

– Еще бы!

Женщина буквально впилась в него взглядом, требуя продолжать. Федор пожал плечами:

– Работаем вместе. Вы об этом наверняка знаете.

– Знаем, – уклончиво ответил мужчина. – Что вы о ней расскажите?

– А что хотите услышать?

– Ее интересы, круг знакомств.

– Она что-то натворила?

– Почему вы считаете, будто она «что-то натворила»?

– Раз ею интересуются органы...

– Видите ли...

– Мне бы хотелось знать, – настойчиво произнес Москвин. – Лена – отличная девушка. Я не верю, что она преступила закон, пусть даже в малом. Не такой она человек. Следователи переглянулись. Разговаривать с Федором оказалось непросто.

– Ваша коллега умерла, – резко бросил мужчина.

– Как?!

– Убита. Заколота ножом. Убийца – настоящий профи. Прямо в сердце!

Остатки вчерашнего хмеля мгновенно испарились. Во взгляде Фёдора было только одно:
«Заканчивайте нелепый розыгрыш! И убирайтесь вон!»

Нет, не розыгрыш! И Федор это прекрасно понимал.

– Когда?!.. – его возглас напоминал хрип.

Прежде чем ответить, женщина посмотрела на Москвина в упор, пытаясь разобраться:
насколько он искренен в своем трагическом восприятии ситуации?

– ...Вчера вечером. Между девятью и десятью. Что она делала на работе в такой час?

– Она иногда задерживалась. Мы все задерживаемся.

– Есть повод?

– В данном случае Лена готовила отчет по работе отдела. Дело сложное и неблагодарное.

– Понимаю... А где вы находились в это время?

– Уж не подозреваете ли вы?.. Зачем мне?..

– Отвечайте!

– Разрешите я выпью?

В холодильнике – бутылка, там оставалось немного водки. Федор влил в себя рюмочку
и продолжил:

– Я был в ресторане. Там собралась целая компания.

– Так просто или чего-нибудь отмечали?

– Юбилей Павла Петровича.

– Кого?

– Один наш профессор.

– И никуда не отлучались? – не отступала женщина.

– Пару раз. В туалет.

– Кто это может подтвердить?

– Человек десять.

– Было весело?

– Слишком...

Перед Федором вновь возникла поэтесса. Кто из сотрудников института привел ее с собой?.. Нет, не припомнит!

Зато почему-то хорошо вспоминается каждая строчка ее огненных стихов. И глаза...
Теперь Федору казалось, что ее глаза загоняли в угол, не оставляя ни единого шанса на то,
чтобы выйти из-под их влияния. И опять зазвучал ее голос, уже не чарующий, а пугающий
дьявольским колдовством.

«...И васильково-синее мгновение
Легло узором на волшебных пальцах.
И замирало сердце в испуге.
И сохли губы... И сплетались пальцы...»

Внезапно Федор подумал, что поэтесса говорила не о любви, возможно она... предупре-
ждала его о будущих неприятностях. Именно его, Федора Москвина.

С чего бы такой нелепый вывод?.. А вот с чего: стихотворение вроде бы о чувственной
страсти, но в нем звучали и другие мотивы...

– ...Почему Елена Геннадьевна с вами не пошла?

– Что же в этом удивительного?

– Она – член коллектива.

– У нас большой коллектив, на всех одного ресторана не хватит.

Возникла пауза. Следователи, вероятно, обдумывали очередной вопрос, а Федор размышлял о превратностях судьбы.

Ленка, Ленка! Такая молодая и талантливая!.. У какой сволочи на нее рука поднялась?!

– У вас с Крамской были хорошие отношения?

– Нормальные, как у ученых, которые ведут одну тему.

– И только?

– Любовниками мы не были, если это вас интересует.

– Значит, отношения – чисто рабочие, – подытожил мужчина.

Федор тоскливо посмотрел в окно. День-то в разгаре... Сколько же он проспал?! Женщина перехватила его взгляд:

– Удивляетесь, что столько проспали?.. Кстати, вы никогда не ссорились с Еленой Геннадьевной? – Нет.

– Ой-ли?

– Что-то не пойму ваши странные намеки?

– Мы тут побеседовали с вашими сотрудниками. И они сообщили любопытные вещи.

Федор с нескрываемым интересом взглянул на женщину. Неспроста она заговорила с ним в таком тоне. И не случайно они здесь. «Меня подозревают?!» – Два дня назад вы угрожали убитой, – сказал мужчина.

– Не смешно.

– Чего уж смешного.

– Я не мог никому угрожать, тем более Лене. Я – парень миролюбивый.

– А вот у нас другие сведения. Трое сотрудников слышали, как вы ругались, кричали. Крики доносились из-за двери лаборатории, но все равно было слышно. А потом вы выскочили в коридор, бросив на ходу: «Я тебя точно прибую, Ленка!». Станете отрицать?

– Ничего отрицать не собираюсь. Только ведь это... образно.

– Боже мой! – наиграно поразила женщина. – Вы угрожали ей образно?

– Тьфу ты! – в сердцах воскликнул Федор, – мы действительно спорили. Мы пишем совместную монографию, чего не бывает между авторами. Может, и болтнул лишнее...

– Болтнули или сделали? – зло сверкнул глазами мужчина. – Вы ведь служили в спецназе?

– Да. А еще я в юности играл в вокально-инструментальном ансамбле. – Причем здесь ансамбль? – А причем спецназ?

– Хорошо, хорошо, мы не оспариваем вашу версию насчет чисто научного спора... – Женщина дружески кивнула, однако Федор не купился на дружбу ехидны. От таких дамочек каждую секунду жди какого-нибудь подвоха.

– Скажите, Федор Николаевич, а что это за такая бесценная проблема, превращающая коллег в злейших врагов?

Федору надоели провокации. Он громко выдохнул:

– Или предъявляйте обвинение, или...

– Помилуйте! – всплеснула руками следователь. – Мы только проверяем версии. Так как же насчет научной проблемы? Чем Елена Геннадьевна занималась в институте?

– Пирамидами.

– Чем? – глаза женщины округлились.

– Знаете, такие большие сооружения...

– Знаю! Однако у вас институт истории России.

– А вы имеете хоть какое-то представление о пирамидах?

– Просветите.

Федор вспомнил о спасительной заначке – бутылке коньяка в шкафу. Помянуть бы в тишине Ленку!.. Однако женщина-следователь быстро разрушила иллюзию, требовательно напомнила: – Так что насчет пирамид?..

– Пирамиды – одно из самых загадочных явлений в мире, – тяжело вздохнул Федор. – Они исправляют структуру пространства, иногда, конечно, и опосредованно. Пирамиды приближают наш мир к совершенно иному состоянию. Все, что оказывается в зоне влияния пирамид, движется в направлении Гармонии.

– Вот как?

– Благодаря пирамидам мы могли бы решить проблему ликвидации озоновых дыр. Я не шучу. Это выяснилось после того, как одну такую пирамид построили в 1997 году недалеко от озера Селигер. В итоге получили поразительные результаты: вблизи пирамид забили уникальные родники и выросли огромные поляны из цветов, занесенных ныне в Красную Книгу. Сейчас сооружение пирамид предполагается в южном полушарии – Австралии, Бразилии. Моя воля – построил бы их на Южном Полюсе. А что? Возьму и махну туда руководить строительством.

Следователь-мужчина потерял к данной части разговора интерес, но женщина не сдавалась:

– А какое отношение к ним имеет Россия? Вот если бы вы изучали Египет, племена майя или ацтеков...

– Пирамиды возводились не только там. Они имелись везде, даже в подводном мире!

Мужчина с раздраженным видом хотел поменять тему, однако напарница сделала предупредительный знак.

– Расскажите, Федор Николаевич.

– Еще в 1970 году американский ученый Рей Браун обнаружил на большой глубине вблизи Багамских островов странное сооружение, напоминающее по форме классическую пирамиду. Он исследовал находку, нашел внутри непонятные технические приспособления и еще какой-то кристалл. Ученый взял его с собой, но пять лет хранил находку в тайне, а когда все-таки решился обнародовать ее, то одна из парапсихологов заявила, будто этот кристалл принадлежал египетскому богу смерти.

– Так-таки богу смерти? – усмехнулась следователь.

– Я тоже не всегда доверяю подобным выводам, – кивнул Федор и продолжил. – Вскоре такие же кристаллы нашли на дне Саргассова моря. Было высказано предположение, что именно они, благодаря своей сверхмощной энергии дематериализуют все живое.

– Надо же...

– Ну, а про гигантскую пирамиду на дне Бермудского треугольника вы слышали?.. Нет? Про нее неоднократно говорили по телевидению. Она в три раза больше пирамиды Хеопса, и грани ее – точно хрустальное стекло.

– Но ведь Бермуды, Саргассово море – все слишком далеко от нас.

– Да но первые известные человечеству пирамиды появились на Кольском полуострове. Их открыла Лидия Ивановна Ефимова* (*тут нужно бы разъяснить, как всегда это делает автор – кто она такая...*). Уникальные сооружения, возможно, построены представителями более развитых цивилизаций.

– Я где-то читала, будто пирамиды нашли даже на Марсе?

– Там есть сооружения, напоминающие пирамиды, их примерно девятнадцать. Поражает их высота, до полутора километров! Сравните пирамида Хеопса – 147 метров.

– Они тоже – деянья рук человеческих?

– Вот здесь я вам ничего сказать не могу.

– Все это конечно интересно! – Не выдержал следователь-мужчина, – но давайте о делах более приземленных и неприятных.

– Давайте, – поддержала женщина, – в чем причина ваших научных разногласий с Еленой Геннадьевной?.. Надеюсь, не заставляю открывать страшный секрет?

– Секрета нет. Лена высказала предположение, что пирамиды Кольского полуострова – дело рук арктов или гипербореев, наших прародителей. – И вы с этим не согласны?

– Не то, чтобы не согласен... Только Лена хотела написать о том в нашей с ней монографии. Я резко возражал. У нас научная работа. А в научной работе высказывать моменты, которые признанные корифеи считают... фантастикой, вымыслом, мягко говоря, глупо. Особенно перед защитой диссертации, на которую Лена шла. Представьте себе, как отреагировал бы ученый совет института. Про ВАК и не говорю.

– То есть ради защиты диссертации стоит погрешить против истины?

– Нет. Просто замолчать некоторые моменты. Высказывать их можно лишь тогда, когда у тебя уже есть имя.

– Елена Геннадьевна вняла вашим доводам?

– Нет.

– И для вас это стало проблемой?

– Еще какой! – В сердцах произнес Федор. – Я тоже года через два хочу защищаться. Докторская наполовину готова.

– Серьезный повод для крупного конфликта, – философски заметила женщина.

– Дело шьете, товарищ начальник? Только не забывайте, между девятью и десятью я был в ресторане под неусыпным контролем десятка человек. – Убить можно и находясь в ресторане, – мрачно произнес следователь-мужчина.

– Ну-ну, – примирительно сказала женщина, – не принимайте близко к сердцу слова Константина Матвеевича. Мы с ним с ночи на ногах. А вообще-то у Крамской имелись враги, недоброжелатели? – На работе... нет. – А вне ее?

– Не слышал о таких. Я стараюсь не лезть в личную жизнь коллег. – Вот как?

– Иначе пострадает дело.

И снова – усмешка в глазах женщины. Она протянула Федору визитку:

– Если что припомните, позвоните.

Федор взял, не читая. Мужчина оказался менее галантен, напрямик спросил:

– Вы не собираетесь уезжать из города?

– Пока нет.

– Мудрое решение. Задержитесь. Можете понадобиться.

Как же Москвину не терпелось выпроводить непрошенных гостей и самому поскорее отправиться в институт. Страшное известие потрясло его до глубины души.

...В голове пронесся калейдоскоп последних событий: ресторан, бесконечные тосты, улица с проливным дождем, драка с группой юнцов. Квартира, постель, появление следователей.

И снова – пронзительные глаза неведомой поэтессы, заканчивающей читать свое маленькое творение:

«...Но в кровь мою входил июльский зной.

И вырастали крылья за спиной.

Легко ль тебе со мною, окрыленной?

Не с ангелом, а с женщиной влюбленной?»

Внезапно недавнее предположение Федора превратилось в необъяснимую уверенность: да, да, поэтесса обращалась именно к нему!

Первым, кого Москвин увидел, переступив здание института, был пожилой охранник дядя Сережа. Он горестно развел руками, на глаза навернулась слеза: – Какое несчастье! Ведь совсем еще девочка. – Как это произошло, дядя Сережа? – Разное говорят.

– А вы сами что видели?

– Я только утром заступил на смену.

Охранник или осторожничал, или действительно был не в курсе событий. Федор подумал, какую большую ошибку он совершил, не прояснив у следователей хотя бы некоторые подробности убийства Лены (многого все равно не скажут!). Лишь отвечал на их вопросы, как попугай! Что ж, теперь придется все выяснять самому. Не хочется, чтобы убийца избежал справедливого возмездия!

Как будто кто-то подмигнул ему. Женщина?.. Федор резко завертел головой. Неужели опять та необычная поэтесса?..

Это всего лишь Маша, лаборант из соседнего отдела. Девушка, как ни в чем не бывало, спешила на работу. Она еще не знала, что поздним вечером здесь пронеслась смерть, пронеслась с хищной улыбкой, забрав с собой молодую талантливую жизнь.

Глава вторая

Когда улыбается смерть (Продолжение)

Он сразу почувствовал, как все тут изменилось. Исчезли вежливые улыбки сотрудников, пусть иногда дежурные и фальшивые. Сейчас на лицах каждого из них читались недоумение, напряжение, страх. Даже воздух стал иным, словно кто-то наполнил его страданием. Как говаривал дядька Федора Никита Иванович: «Зло здесь свило себе большое гнездо». Говаривал часто, и когда дело казалось жуликоватой компании, управляющей его старым панельным домом, и еще более жуликоватого главы районной администрации, и городского головы, обвиненного впоследствии в злостных преступлениях. Да и России в целом...

– А как, дядя Никита, ты ощущаешь это зло, – однажды с юмором спросил Федор. – Неужели по запаху?

– И по запаху тоже, – серьезно ответил дядька. – Воняет так, что хочется бежать! Побейте и подальше. И остаешься только потому, что это твой дом, твой город, твоя страна. Не бежать следует, а отрубить голову проклятому змею!

«Отрубить голову проклятому змею!» – мысленно повторил Федор, предвкушая, как молотит убийцу несчастной Лены. И снова: «Кто? За что?»

Он не обманывал следователей, когда сказал, что ничего не знал о личной жизни своей коллеги. Все их разговоры с Леной сводились к работе. Но ведь что-то она рассказывала и о личном...

Он знал, она разведена. Муж вел далеко не ангельскую жизнь: пил, гулял напропалую, несколько раз пускал в ход кулаки. На развод не соглашался, пока однажды не нашел себе подружку. Лена со смехом сообщила, что его новая жена – чемпионка по таэквондо. И теперь уже он ходит, украшенный синяками. «Но он счастлив. Видимо, ему больше нравится быть слугой, чем господином».

В мужа, как в возможного убийцу, Федор верил слабо. Кто еще у нее в семье?.. Она говорила про старшую сестру, та живет то ли в Англии, то ли в Ирландии. Зачем одной сестре убивать другую?..

Интересно, с кем-нибудь она в последнее время встречалась?.. Вроде бы никаких разговоров не было... «Гадаю на кофейной гуще!»

Он остановился напротив кабинета заместителя директора института. Яркая табличка, занимавшая едва ли не половину двери, указывала, что тут сидит человек, имеющий все мыслимые и немыслимые звания ученые звания: Кочеткова Лариса Петровна – доктор наук, профессор, член-корреспондент, лауреат и прочее. Буквы были красивыми, прописными, работал лучший дизайнер института. Смотри и восхищайся грандиозным путем великой (но скромной!) женщины.

Впрочем, Кочеткова постоянно говорила, что ее главное качество – не успехи на научном поприще, а забота о сотрудниках. «Если что, сразу ко мне. Я вам – как мамочка!» – вещала она на каждом собрании. Сотрудники верили и с любой проблемой спешили именно к ней. Она выслушивала просьбы, сурово сдвигала брови, если обижали «слабого», тут же вызывала помощницу, приказывала во всем разобраться. Маховик начинал крутиться. Он крутился, крутился по кругу, напоминая юлу. А дела не двигались. Постепенно институтская братия перестала обращаться к великой женщине, понимая: она бы и рада помочь, да проклятые сатрапы тормозят дело. А ей недосуг во все вникать. Потрешить ее снова? Как можно! В этот момент она наверняка контактирует с высшим разумом – инопланетянами, или даже с руководителями Минобрнауки. Мало ли небожителей...

Москвину в этом смысле повезло больше, обычно он обходил начальство стороной. Чего-либо просить лично для себя он не любил, не желал попадать в зависимость. Если же дело касалось работы института, то опять же – «не давил слезу», а настаивал, требовал. Не должно страдать общее дело.

Федор на мгновение остановился, раздумывая, отвлекать ли от дел светило науки по такому пустяку, как убийство сотрудницы? Потом решительно толкнул украшенную бесценной табличкой дверь. На вопросительный взгляд секретарши, так же взглядом ответил: «Меня не нельзя не принять». Впрочем, в приеме Федору никто и не отказывал.

Лариса Петровна приветливо указала на стул, и тут же гримаса горя исказила ее лицо: – Вот ведь как, Феденька!

– Да, тяжелый случай...

– Полиция пытается с самого утра.

Федор чуть не вскричал: «Как они смеют травмировать ту, кто олицетворяет прошлое и будущее нашей науки?!» Но поскольку светило вряд ли бы правильно поняло его искренний порыв, он сказал другое:

– Следователи ко мне домой заявились. Оказывается, я Лене публично угрожал. Вот такой я бандюган! – и тут он на всякий случай коснулся своего синяка.

– Жалко Лену, жалко! – Кочеткова будто не слышала собеседника и не обращала внимания на синее украшение под глазом у Федора. – Талантливый ученый! Сколько ярких статей! Диссертация почти готова. И вообще, замечательный была человек!

– Замечательный, – согласился Федор. – Когда все это произошло? Мне сказали между девятью и десятью?..

– Так утверждает следствие. И чего она домой не шла?

Федор пожал плечами, не желая личный раз напоминать Кочетковой, что это именно она требовала от Лены срочный отчет по работе отдела. Москвину тоже надлежало бы остаться, да все внутри тогда у него взбунтовалось. Сколько уже вечеров после работы он проводил в любимом институте!.. Но уж юбилей Павла Петровича пропустить никак нельзя... Они с Леной из-за этого даже посабачились (опять посабачились!..). Крамская обозвала Федора тунеядцем, а он ответил, что и рабам иногда нужен отдых.

«А ведь если бы я остался! Если бы...»

– Не слышали, Лариса Петровна, о каких-нибудь зацепках в деле, о подозрениях?

Кочеткова сокрушенно покачала головой, а Москвин тут же вспомнил слова следователей о том, что убийца – профессионал. Профессионал умеет замечать следы!

– У нас что-нибудь пропало?

– Пропало? Что? Ах, какой ужас! Нас еще и обворовали? А тебе откуда это известно?

– Я просто спросил. Так вы не слышали?

– Нет, мне ничего подобного не докладывали.

«Конечно, если бы что-то взяли, уже было бы известно. Получается, что целью преступников являлось не ограбление?... Еще вариант: хотели взять нечто ценное, да Лена спугнула. Что такого примечательного у нас в институте? За что стоило бы пойти на убийство?»

– Зачем она торчала здесь допоздна?.. – с надрывом повторила Лариса Петровна. С ролью «заботливой мамы» она окончательно рассталась; теперь стояла одна задача: спасти честь мундира. Необходимо было, чтобы каждый сотрудник, вплоть до дворника и уборщицы, ясно осознал: Лена осталась после работы по своей собственной инициативе.

– Как преступник мог проникнуть сюда? – в свою очередь задал вопрос Федор и тут же понял всю его несуразность. При существующей безалаберной охране в институт может проникнуть любой...

– Феденька, – осторожно поинтересовалась Лариса Петровна, – Лена не делилась с тобой какими-либо опасениями?

– Опасениями?

– Может ей кто угрожал?

«Она тоже не исключает того, чтобы убийца пришел с целью убийства Лены?.. Гордись, Федя, гордись! Ум великой женщины работает в том же направлении, что и твой.

Стоп! Профессионала обычно приглашают люди «большого» уровня. Кто-то из них заказал скромного ученого Лену Крамскую?.. Бред!»

Федор еще некоторое время поговорил с Ларисой Петровной, однако не узнал ничего нового для себя. Более всего он хотел вернуться в свою лабораторию и осмотреть ее. Он знает там каждую деталь, знает, где находится любая мелочь. Вдруг следователи чего-то упустили?

Он напрямую спросил об этом шефиню, и услышал:

– Я уже здесь не командир. Лаборатория оцеплена полицией.

«Придется пообщаться с полицией», – решил Москвин.

Дверь в лабораторию была опечатана. Сколько раз, подходя к ней, Москвин ощущал странное желание поскорее окунуться в канувшую в небытие, почти неизвестную нам жизнь. Загадки прошлого – это загадки вечного водоворота Вселенной. Соприкасаясь с Вечным, слишком отчетливо понимаешь суетность окружающих нас проблем. Люди отвоевывают место под Солнцем, дерутся за очередную должность, упиваются наградой в виде денег, почета, славы. И считают, что их мелкий успех останется навеки запечатленным в анналах истории, что гигантский круглый шарик – Земля на радостях закружиться еще быстрее. К чему этот нелепый самообман? Из-за скудости ума?..

И только входя в лабиринт познания, именуемый Тайной Пирамид, Федор невольно получал ответ: сиюминутность – активна и горяча сверх меры, Вечность – торжественна, холодна, рассудительна.

Федору показалось, будто Лена здесь, что-то рассказывает ему об удивительных свойствах пирамид... «Знаешь, Федя, даже при жутком морозе вода внутри пирамиды не замерзает. Не задумывался, почему?»... В самом деле, почему?

Мы создали схемы, кажущиеся нам непреложными, и любое отступление от них относим к неестественному, к области феноменологии...

– Лена, – хочет ответить ей Федор и тут понимает: между ними больше не будет диалога, никогда не будет!

Он мысленно представил Лену лежащей в гробу. Такая живая, заводная и вдруг... Как она наверное испугалась, увидев убийцу! Ведь какое страшное выражение приняло ее лицо! И теперь в морге работают стилисты смерти, придавая ему более-менее приемлемый вид.

И вдруг опять... глаза незнакомой поэтессы. Федор не выдержал, крикнул: – Кто вы?

– Какая разница, – услышал в ответ. – Считайте меня началом творческого процесса и, одновременно, – его концом, гармонией любви и венцом разочарования, фантазией влюбленного мужчины и наискучнейшей подругой при совместной жизни. Я – чаровница веселого праздника, Леди Ночь...

Возвратиться ко мне подруга

Долгожданная – Леди Ночь.

И опять – по вечному кругу...

Не сестра, не жена, не дочь...

– Вы снова читаете стихи, как и вчера. Это ведь вы мне их читали?

– И вам, и каждому из гостей.

– Почему преследуете меня?

– Это вы преследуете себя.

– Преследую себя?!

– ...Да, Федор Николаевич.

Последняя фраза была произнесена уже иным голосом. Говорила другая женщина, невысокая, полная, с добрыми печальными глазами... Это – начальник отдела кадров института Вера Митрофановна.

– Очень жаль Леночку, безмерно жаль. Смотрю, вы стоите около двери.

– Мне все время кажется, что стоит открыть ее, как снова увижу Ленку. Не верю...

– К сожалению, – вздохнула Вера Митрофановна, – Леночка – в морге.

И опять: В МОРГЕ РАБОТАЮТ НАД ЕЕ ЛИЦОМ СТИЛИСТЫ СМЕРТИ, ПРИДАВАЯ ЕМУ ПРИЕМЛЕМЫЙ ВИД...

Сам ли об этом подумал Федор, или то нашептала ему загадочная поэтесса?..

– Ваша лаборатория опечатана, Федор Николаевич.

– Вижу!

Вера Митрофановна ушла, а мысли Федора вновь закрутились вокруг поэтессы. Кто она?..

Чтобы ответить на вопрос, следует для начала выяснить, с кем из коллег по работе она пришла на этот вечер?

Он позвонил Павлу Петровичу. Тот сразу же выразил Федору соболезнование:

– Отличная девушка была твоя соавтор.

– Потеря для всех нас, Павел Петрович. Но я хотел спросить тебя о другой девушке, она была с нами в ресторане.

– Не изменяешь себе! Даже в такой момент думаешь о женщинах!

– Дело в другом... Помнишь поэтессу, что читала стихи? Она подошла позже. Кто ее привел? – Поэтесса?.. Читала стихи?..

– Высокая, с темными волосами, взгляд такой... пронизывающий, дерзкий.

– Не было у нас ее за столом.

– Как не было?!

– Федя?!

– Я же видел!

– Может, она сидела за другим столом?

– За другим?

– Ну, да. Ты ведь к концу вечеринки здорово перебрал.

– Подожди... И ты вообще не заметил ее?

– Понимаю, такую даму нельзя не заметить. Только я, Федя, верный муж. К сожалению...

Федор отключился, не понимая, что происходит. Павел Петрович утверждает, будто никакой поэтессы не было? «Я перебрал?.. Это он перебрал! Он ничегошеньки не помнит!

Или она и впрямь сидела за другим столом и просто так сильно приковала мое внимание?»

Он с трудом заставил себя отойти от мыслей о таинственной поэтессе и вернуться к несчастной Лене. Желание пройти в лабораторию вспыхнуло с новой силой.

Федор вспомнил о визитке женщины-следователя. Так, ее зовут Селезнева Людмила Александровна. – Людмила Александровна? – Я!

– Это Федор Николаевич Москвин. Сегодня вы имели честь посетить меня.

– О, конечно! Радужный хозяин, оказавший нам потрясающий прием.

– Прием был скучным.

– По крайней мере, не выставили нас за дверь...

– Людмила Александровна, у меня к вам просьба.

– Смотря какая?

– Лаборатория, где убили Лену, опечатана.

– Естественно.

– Сделайте для меня исключение.

– Невозможно.

– Вдруг я найду нечто такое, что поможет в поисках убийцы? Я знаю там все как свои пять пальцев. Если преступник что-то искал?.. Тогда я смогу оказать реальную помощь следствию. Следователь молчала, решала, как быть. И неожиданно согласилась:

– Хорошо. Но осматривать комнату будете в присутствии нашего сотрудника. – Понимаю.

– Вы сейчас где?

– Напротив лаборатории.

– Там и оставайтесь.

Вскоре подошел полицейский, который попросил Москвина предъявить документы. Федор протянул паспорт:

– Людмила Александровна сказала...

– Да, да. Проходите.

Большая комната казалась прежней: столы, шкафы, компьютеры. Но... иной стала сама атмосфера, исчезло радостное возбуждение от очередного открытия, его затмил воспаривший над всем столб скорби. Федор застыл! Он почувствовал себя в роли того, кто возвращается в свой дом и вдруг видит, что все тут чужое. Чужие люди творят непонятные деянья.

Он даже не сразу понял, что к нему обращается полицейский. Служителя закона интересовала конкретика.

Федор подошел к столу, за которым обычно сидела Лена; кровь ударила в виски. – Это случилось здесь?

Полицейский кивнул. Значит, она работала, ничего не подозревала?.. Но ведь удар нанесен в сердце. Лена должна была обернуться...

Или жертва знала убийцу, или все произошло так быстро, что она не успела ничего сообщить? Тогда преступник действительно настоящий профи!

Москвин принялся исследовать папки, его документы на месте. А что с Лениными материалами? Федор медленно перебирал один за другим.

– Ну как? – нетерпеливо спросил полицейский.

– Кто его знает? – задумчиво пробормотал Федор. – Вроде бы все на месте...

Вновь он раздумывал над тем, какой из «преступных групп» могли бы понадобиться исследования их отдела. Смешно даже предполагать подобное.

– Внимательнее, внимательнее... Может быть, что-то взяли? – допытывался полицейский.

Федор осмотрелся... Чего тут красть?

На всякий случай он вторично принялся осматривать рабочие материалы Крамской. Совсем недавно ее руки держали вот эти бумаги, диски, она спорила, доказывала свою правоту, а теперь...

В МОРГЕ РАБОТАЮТ НАД ЕЕ ЛИЦОМ СТИЛИСТЫ СМЕРТИ, ПРИДАВАЯ ЕМУ БОЛЕЕ МЕНЕЕ ПРИЕМЛЕМЫЙ ВИД...

Неведомая поэтесса – тут как тут. Ее голос резал слух новыми жуткими строками:

«...Но будьте мудрыми!

Смотреть приветливо —

Не так уж сложно, ну, не правда ли?

Она мертва, но все же женщина,

Ей хочется лежать кокетливо

И чтобы локоны красиво падали.

И чтобы кто-то произнес: «Какая женщина!»...

Москвин потер виски, попытался отогнать от себя навязчивого призрака. Полицейский истолковал его жест по-своему:

– Понимаю. Тяжело, когда умирает человек, которого хорошо знал.

«Внимательнее, внимательнее...», – повторил Федор призыв стража закона. И вдруг...

– Мне кажется, чего-то не хватает?

– Не хватает? – сразу оживился полицейский.

– Несколько дисков. Разрешите, включу компьютер?

Получив утвердительный ответ, Москвин внимательно осмотрел имеющиеся в наличии папки. Лицо его нахмурилось.

– Да, здесь кое-чего НЕ ХВАТАЕТ.

– Свяжитесь с Людмилой Александровной.

Федор вторично позвонил Селезневой и повторил свое подозрение.

– А чего не хватает- то, Федор Николаевич?

– Видите ли... Я не уверен... Лично я не видел, но Лена говорила...

– Что пропало? – повторила вопрос Людмила.

– Некоторые диски. Она должна была получить какие-то новые данные по нашей теме. Только вот откуда?.. – Конкретнее?

– Да не знаю я! Три дня назад она сказала мне: «Федя, я скоро получу такое, от чего все наши прошлые изыскания надо будет выбросить или сжечь». Я, конечно, посмеялся: «Рви со своим прошлым, а мне мое – дорого». Но она вдруг сделалась еще более серьезной и продолжила: «Я тут создала папочку «Главное», скоро покажу тебе. Горе и восторг разорвут моего соавтора на две половинки. Горе – из-за бездарно прожитых лет, восторг – потому что еще будет шанс реабилитироваться в жизни».

– И вы не уточнили, что за информацию она собиралась получить?!

– Пытался, только она напустила такой таинственный вид, что я лишь рассмеялся: «Ну что ж, блефуй, девочка, блефуй!»

– Вы ей не поверили?

– Не то, чтобы не поверил. Просто я подумал, Лена – несколько преувеличивает. Ей это было свойственно: любую новую информацию возведет в абсолют, а потом потихоньку остывает...

Тогда, во время разговора с Селезневой, Федор не придавал слишком уж серьезного значения исчезновению папки «Главное». Лена могла и сама ее убрать. Почему? Выводы не оправдали ожиданий? Ее обманули с материалами? Или сами материалы оказались научным бредом?

Об этом было ведомо только ей самой...

...Внутренний мир Москвина продолжали заполнять черная мгла и ледяной ветер. Смерть Лены потрясла его! Вроде бы он повидал в жизни всякое, воевал с моджахедами, нескольких убил, самого ранили... Но это война!

Позже он спокойно воспринимал телевизионные сводки о взрывах и терактах. Жалко людей, однако, они являлись чем-то далеким, Федор их не знал, поэтому сочувствие было чисто «интеллектуальным». Наверное, каждый из нас, если слышит о смерти чужих, ведет себя точно также. Другое дело, когда убит твой друг...

«За что?! Ведь она была самым безобидным человечком на свете...»

Федор зашел в небольшое кафе, заказал водки и закуску. Приятели без конца твердили, мол, пора завязывать. «Они правы, обязательно завяжу. Только позже! Сейчас я обязан упомянуть Лену!»

Официантка принесла небольшой, запотевший от холода графин... Залпом, залпом! Будто огонь опалил желудок, но опалил приятно! И сразу наступила минута душевного покоя... Пусть всего лишь минута, пусть покой хрупок, но какое же счастье, что Федор не слышит ни безоблачного смеха несчастной Лены, ни встревоженного улья сотрудников, ни стихов загадочной поэтессы.

Нет, желанное забытие быстро закончилось. Все персонажи последнего времени могли отпустить Федора кроме... поэтессы. Она сидела напротив, в конце зала, сверля свою жертву огненным взглядом. Федор не выдержал, бросился к ней, по пути чуть не сбил какого-то толстяка...

– С ума сошли, молодой человек?! – послышался визгливый голос. – Извините...

Секундное замешательство стало роковым, поэтесса исчезла. Федор оглядел зал... Но ведь только что она находилась здесь. Сидела за столиком... За этим, нет, за тем...

Столы закружились, в глазах зарябило, Федор почувствовал, что перестает ориентироваться в реальности.

За каким же из столиков?!..

Он выскочил на улицу. Как сумасшедшие летели машины, куда-то шмыгали прохожие. Вернувшаяся реальность швыряла Федора на асфальт и, с издевкой, растаптывала.

Никакой поэтессы нет!

А кто же тогда шепчет и шепчет ему в самое ухо:

«День исчез, испарился, как не был.
На искрящийся город спящий
Леди Ночь спускается с неба,
Эlegantный накинув плащик.
Темных глаз обожжет печалью,
Черный шарфик завяжет в узел.
И закроет лицо вуалью
Тайных снов, колдовских иллюзий»?

– Правильно! – чуть не закричал Федор. – Это иллюзия. Она говорит о ночи, а сейчас – день! Ладно, не день, самое начало вечера.

И тут он заметил, как мгновенно темнота поглощает свет. Ночь опускалась слишком быстро даже для осеннего вечера...

Федор двинулся в сторону своего дома, ему вдруг показалось, будто кто-то следит за ним. Он обернулся, осмотрел улицу. Все выглядело таким спокойным, обыденным: спешащие люди, автомобили и никому ни до кого нет дела.

Почему решил, что за ним следят?.. Должно быть это осталось с того времени, когда он прозябал в окопах на локальных, абсолютно никому ненужных войнах.

Федор пытался убедить себя, что ошибается. Только зачем быть в плену у самообмана? За ним следят!

Кто?.. Полиция? Скорее всего. Он ведь наверняка не исключен из числа подозреваемых в убийстве...

Глава третья

Неожиданное спасение

...Оружие было наготове. Прежде чем войти в свою квартиру, человек внимательно осмотрел дверь. Имелась одна маленькая, только ему известная хитрость... Если проникнут незванные посетители, он это быстро определит.

Он всегда так поступал.

И, даже когда вошел, продолжал исследовать каждую деталь прихожей, кухни, ванной и небольшого зала. Он боялся! Боялся смерти, которую нес другим.

Не обнаружив ничего подозрительного, присел в кресло. И тут же зазвонил телефон. Знакомый голос спросил:

– Зачем?..

– Иного выхода не было. Девчонка увидела меня.

– Никто не просил ее убивать.

– Конечно, конечно... Но ее не воскресишь... Подумаешь, проблема. Какая-то неприемлемая девчонка! Вам жаль ее?

– Идиот! Идиот дважды! И потому что навлек на нас ненужные подозрения. И потому что мы так до конца и не выяснили: что же она ЗНАЛА? – Я принес вам ее материалы. – Этого недостаточно.

Убийца почувствовал, как в горле все пересыхает. Обвинения против него выдвигались слишком серьезные. Могущественные люди явно не собирались шутить.

– Есть какая-либо возможность исправить ситуацию?

– осторожно спросил убийца.

– Нет! – последовал безжалостный ответ.

– Но послушайте... У девчонки есть партнер, точнее соавтор ее научного проекта... Они вместе работали над книгой. И он наверняка что-то знает. Если раскрутить его?

– Идиот! – в третий повторил голос в трубке, и убийца понял, что события развиваются по самому худшему для него сценарию. Он готов был закричать:

– Я служил вам, как верный пес! Вы не можете так поступить со мной!

Однако никто бы его не услышал. В телефоне раздались гудки.

Короткие страшные гудки!

Итак, его участь решена. Нет, просто так он им не дастся. Плевать, что его бывшие хозяева и теперь уже новые враги обладают чудовищным могуществом! Он будет биться до конца!

Первый животный страх прошел. Он стал анализировать ситуацию. Раз его все равно приговорили, то прощения не вымолишь. Лучше умереть в бою, чем стоя на коленях. Тем более, именно в бою и появляется хоть какой-то шанс.

Самым тяжелым для убийцы оказалось выскользнуть из собственной квартиры. Здесь его и могут поджидать. На чудо рассчитывать сложно.

Но чудо произошло, убийца выскользнул на улицу. Его машина!.. К черту машину! Откроешь дверцу, и так рванет!

Убийца быстро зашагал по темной улице. Никаких идей, никакого плана в голове.

А какой может быть план в борьбе с многоликим монстром?

Он нырнул в один из переулков, а когда выскочил из него, оказался перед маленьким ночным кафе. И сразу вспомнил, что с самого утра ничего не ел. Голод разыграл с такой силой, что притупил даже страх. Пока он жив, необходимо справлять обычные биологические потребности, главная из которых – еда. В кафе – ни одного посетителя. За стойкой стоял усатый бармен, с унылым видом внимая что-то шептавшей ему толстой официантке. Похоже, появление

посетителя совсем не обрадовало девушку. Она лениво подошла, грустным голосом поинтересовалась насчет заказа.

Убийца попросил тарелку борща, бифштекс, блинчики. Кто знает, когда теперь сможет поесть! И сможет ли?..

Мозг продолжал плутать по бесконечным дорогам, выискивая ту, что ведет к спасению. Пока не получалось! Какое спасение?.. У этих людей схвачено все!

Борщ оказался пересоленным и удивительно безвкусным, точно повар решил сэкономить, на чем только возможно. Убийца смирился, ругаться не было ни сил, ни настроения.

Внезапно у него возникла надежда, что его простят, слишком многое его связывало с шефом. Шеф поручал ему самые сложные, самые грязные дела. И убийца всегда за них брался.

Как же получилось с той девчонкой? Как он сплеховал?!..

А что было делать, раз она **УВИДЕЛА ЕГО**? Он не мог подвести ни себя, ни шефа.

Ее лицо до сих пор перед глазами. Зрачки расширены от ужаса, губы что-то шепчут... Похоже – не мольбу о помощи. Девчонка предупреждала о скором возмездии?

Возмездие действительно может быть **СКОРЫМ**. Сейчас убрать человека проще, чем потратиться на бутылку дорогого шампанского. Людей на земле – шесть миллиардов, так что – одной «единицей» меньше, одной больше... И уж если тебя приговорили, не спасешься, будь хоть президент, хоть шейх, хоть король. Убивают на расстоянии! Убивают с помощью такого оружия, о котором раньше и мечтать не могли.

Мысль о том, что не дни, а часы его сочтены, все переворачивала внутри. Сколько раз убийца безучастно взирал на своих жертв, сколько раз, не обращая внимания на их мольбы, слезы, наводил курок. Иногда это был нож, которым он владел виртуозно, иногда... какая разница, какой вид оружия он использовал! Важен результат.

«Нет, – вновь повторил себе убийца, – просто так я не дамся. Кого-нибудь с собой прихвачу!»

И что? Тот, кого он собирается «прихватить», и так обречен. Его используют, чтобы потом и к нему прислать киллера. Неважно, ошибется он, или будет безупречен в делах. Так устроен мир криминала. И не ищите «эффективных методов борьбы с ним»! Вся страна – криминал.

«Когда мне ждать своего убийцу? Завтра? Послезавтра? Или он заявится прямо сейчас?.. Хорошо, что я здесь один... А кто этот бармен, эта официантка?.. Только не паниковать!»

Убийца вновь взглянул на службу маленького кафе. Долгий опыт помогал ему распознавать людей. Нет, на подосланных они не похожи. Вроде бы **НЕ ПОХОЖИ**...

Он на секунду с облегчением вздохнул, вновь радуясь, что кроме него здесь – никого. И тут... комок застрял в горле. Да он не один в кафе! Через несколько столиков сидел старик с низко опущенной головой и слегка трясущимися руками. «Как я его сразу не заметил?» – подумал убийца. Впрочем, старик не проявлял к нему никакого внимания, просто сидел, уткнувшись в стол. Убийца немного успокоился и продолжил отковыривать кусочки бифштекса. Но мысль о том, что он прозевал появление старика, не выходила из головы. С его-то опытностью и такой промах?..

А что если это вовсе и не старик? Если его седая борода и трясущиеся руки – лишь ловкая маскировка? Убийца вновь осторожно скосил глаза в сторону неожиданно соседа. Тот по-прежнему словно отрекся от целого мира. Любопытно, что на старика не обращали внимания ни бармен, ни официантка. Точно его и не было...

«Они его знают?..»

Убийца проглотил еще один кусок опять же пересоленного мяса и чуть не поперхнулся. Не от еды, от другого...

Что-то изменилось в облике старика... А вот что: его руки больше не дрожали!

Тревога подступала к убийце как пробудившийся вулкан к расположенному рядом селению, жители которого не знали, когда конкретно гиена огненная хлынет наверх. Все верили и надеялись на лучшее... Но ведь когда-то же лава прорвет оковы земной коры, разольет повсюду страшную смерть. Что за вулкан готов взорваться рядом с убийцей, чья беспощадная рука нацелит на него смертельное оружие? Вдруг палачом является этот самый старик?.. Или бармен? Или официантка?.. Подозревать можно каждого. «Да, так легко тронуться!»

Убийце потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться. Но на всякий случай он вновь посмотрел на старика. Тот вдруг усмехнулся и... кивнул на дверь.

А дверь в кафе тем временем распахнулась, возник человек, по виду – обычный посетитель. Бегло осмотрев зал, сел за соседний от убийцы стол, жестом пригласив официантку.

Хотя ничего подозрительного в новом собеседнике не было, убийца напряг память. Где-то он встречал этого парня...

«Точно! Он тоже – киллер! Мы с ним были на одном задании, только выглядел он тогда по-иному: цвет волос не пегий, а темный, чуть другая форма носа... Как же быстро меня отыскали!»

Некая сила заставила убийцу в очередной раз взглянуть на старика, у того на лице заиграла усмешка. «Чего он веселится? И почему чуть ранее КИВНУЛ НА ДВЕРЬ?.. Предупреждает меня об опасности?.. С какой стати такая милость? Или он и Пегий – одна компания?

Чтобы там не было, я обязан опередить!»

Бармен и официантка о чем-то увлеченно говорили. Им не до ночных визитеров. Убийца поднялся, двинулся в сторону Пегого. Возможно, у того и не было задания покончить с жертвой именно здесь, на глазах нескольких свидетелей. Возможно, он пока только следил...

«У меня нет выхода!» – сказал себе беглец.

Он проходил мимо палача совсем близко, на мгновение глаза их встретились. И этого мгновения оказалось достаточно. Палач потянулся к револьверу, но убийца с быстротой молнии нанес ему удар ножом в сердце. Точно так же, как Лене Крамской.

«Как отреагирует старик, который все видел?»

Старик удовлетворенно покачал головой, похоже, он не собирался выдавать убийцу?

Теперь оставалось подойти к стойке бара, сказать, что спешит, что хотел бы расплатиться. И тихонько покинуть кафе. Превратившийся в жертву палач так и остался сидеть за столом, точно уснул, или о чем-то задумался. Пройдет некоторое время пока работники кафе догадываются, что он мертв.

...Однако, коснувшись ручки двери, убийца остановился. Что произойдет с ним дальше, когда он окажется на улице? Раз его уже нашли...

Здесь наверняка есть запасной выход. Но как подойти к бармену и официантке и спросить: «Где тут у вас черный ход?» Чем он мотивирует свое странное желание? Им могут заинтересоваться, и быстро обнаружат, что человек за столом отнюдь не дремлет...

И главное: черный ход может быть еще более опасен. Обнаружить его для «них» не так уж и сложно. Так что ему делать?!

Время для раздумий не было; убийца решил, взвел курок и резко выскочил на улицу.

Улица была пуста. Быстро осмотревшись, убийца бросился в направлении соседней улицы. Он не верил, что ПАЛАЧЕЙ РЯДОМ НЕТ. Ему подстроили ловушку, только вот где она?!

Вперед, вперед, вперед! Не забывая следить за каждой мелочью. Почему ИХ НЕТ?..

Звук колес. Мало ли какая машина мчит по городу, даже ночью, даже в этом, не слишком людном месте.

Машина рядом. И тут убийца понял: прибыли его ПАЛАЧИ! И куда ему бежать? Тупик и спереди и сзади. Только несколько домов, двери которых закрыты, без кода не войдешь!

Сколько там его врагов? Пятеро, не меньше. Убийца знал, что со всеми не справится.

...Еще одна фигура возникла рядом с ним – тот самый старик из кафе?!.. Старик успел шепнуть: – Не бойся. Это – пустяки, ничто!

Однако «ничто» уже навело на беглеца оружие, из которого через мгновение должен хлынуть смертоносный огонь. И вдруг... киллеры как по команде застыли. Беглец ошарашено посмотрел на старика...

Тот делал странные вещи: открывал рот, издавая звуки типа: «Пуф, пуф!», – затем поднял верх правую руку, и те безропотно повторили его жест. Далее старик поманил одного из палачей и тот вышел вперед, вышел, как загипнотизированный кролик. А седой «удав» продолжал давать команды: «Развернись! Наведи оружие на приятелей! Стреляй! Сначала в первого! Теперь во второго...»

Подопытный подходил вплотную к каждому, аккуратно прикладывал дуло к виску и стрелял. Даже в темноте видно, как мозги киллеров разлетаются в разные стороны. Самое поразительное, что никто из них не делал и намека на сопротивление.

Когда с напарниками было покончено, киллер повернулся к старику, ожидая очередного приказа. Старик удовлетворенно хмыкнул, мол, ты знаешь, что дальше делать. И этот также беспрекословно приставил пистолет к своему виску...

Беглец застыл как вкопанный, пока старик требовательно не бросил:

– Идем! Говорю же, это мелочь!

Беглец, пошатываясь от пережитого, пошел за стариком. Пошел как за пророком, готовый довериться ему во всем! Он сказал: «Это мелочь?!..» Куда они идут?.. Да хоть на край земли.

Краем земли оказался уютный ресторан «Осенняя рапсодия», старик весело брякнул:

– После пересоленного вонючего бифштекса попробуем настоящую еду?

Они прошли в небольшой зал, старик надиктовал официанту множество разных блюд. И, когда остались одни, елевым голосом спросил: – Здорово позабавились? А? – Позабавились...

– У меня в жизни случалось и не такое. Помню, как в молодые годы заглянул на огонек к одному уважаемому профессору. А время тогда было тяжелое, самый пик сталинских чисток...

«Сталинских чисток? – с изумлением подумал убийца, – сколько же ему лет?!»

– ...Засиделись, значит, у светила науки. И тут – стук в дверь. Арестовывать его пришли. И, меня, значит заодно. За то, что якшаюсь с врагами народа. Я им по-доброму: «Ребята, садитесь, чаек попьем. А за чайком глядишь и договоримся, дело миром закончим». Не прав я?.. Да только они заорали, назвали меня шпионом Троцкого (*известный революционер-большевик, впоследствии изгнанный из страны своими же сотоварищами*. – Прим. авт.). А это полное вранье. Не знал я Троцкого. Просто потому, что тот прохвост мне был совсем не интересен. Пытаюсь объяснить, не верят. Требуют: «Руки вверх!», да еще обещают, что я у них потанцую. Тогда я серьезно спрашиваю: «Вы так сильно любите танцы?» «Еще бы!» – отвечают они. «Тогда в чем дело? Танцуйте!» Ну и пошла пляска! Коленца они выделявали славные. Кто – вприсядку, кто – украинского гопака. Вы, молодежь, и названия такие забыли?

– Да, – согласился его собеседник. – Если еще – твист, шейк или лезгинка.

– Точно, лезгинка. Скоро станет она у вас национальной реликвией.

– И что дальше? Сколько времени они танцевали?

– Парни из НКВД оказались крепкими. Целую улицу взбаламутили. Потом – всю свою контору. Всю ночь напролет и последующее утро город веселился.

– А что потом случилось с вашим другом профессором?

– Расстреляли его. Статья была интересная: оказывается, он растлевал души советских людей буржуазными танцами...

Убийца слушал шутливую болтовню старика и размышлял над произошедшими событиями. Первая эйфория, связанная с легкой расправой над врагами, прошла. И «довершил дело»

рассказ его собеседника о судьбе профессора. Когда чекисты танцевали, бедолага, наверняка, тоже смеялся и ликовал. А назавтра будьте добры, пройдемте... Кстати, люди, которые заказали убийство своего бывшего киллера, не менее влиятельны, чем некогда сотрудники НКВД.

Возникли и другие вопросы, о которых ранее убийца словно позабыл. А теперь они всплыли. Ради чего старик с удивительным даром взялся спасать незнакомого ему человека? Какие еще возможности сокрыты в этом тщедушном организме? И вообще: ОН ДРУГ ИЛИ ВРАГ?

Вопросы следовало задавать поочередно и с величайшей осторожностью. Вдруг странный спаситель почувствует недоверие?.. Что придет ему на ум?.. Заставит своего нового «приятеля» танцевать? Или прикажет выстрелить себе в висок?

А старик, тем временем, стал восхищаться принесенными куропатками, только и слышалось: «Пальчики оближешь! И не только оближешь, но и скушаешь их вместе с куропаточками!», или «Что за прелесть! Такого удовольствия не получишь даже от интимного общения с красивейшей из женщин». Затем он настоятельно потребовал, чтобы его собеседник попробовал водочки. «Смотрите, мой друг, прозрачная, как родничок!» И тут же рассказал о страсти к «славненькой беленькой» многих известных особ.

– Не поверите, но почти все они – законченные алкоголики. Особенно те, кто на публике слишком рьяно выступает против пьянства. В самом деле, как можно бороться с этим очаровательным злом, – старик сладострастно поцеловал бутылку, – ведь при желании и от компота можно лопнуть... Так вот, о знаменитостях-алкоголиках. Одна гремевшая кинозвезда, любимец женщин, только «спиртиком» и спасается.

– Зачем любимцу женщин спасаться «спиртиком»?

– В том-то и загвоздка! Дамы его любят, а он не может... Ну, понимаете... Выдохся бедолага. Вот и надо горе залить. Самое забавное, что он постоянно снимается в фильмах, где в изобилии любовные сцены. Глядят на него и думают: ну такой гигант! А гигант-то слишком маленький. Он даже начал требовать, чтобы его в постели дублер заменял. Уж больно обидно. Впрочем, так часто бывает: любовные сцены достаются импотентам.

А однажды пили мы вот такое же беленькое чудо с крупным политиком, либералом из либералов. Тут ему – звонок. Снял он трубку, поговорил и хнычет: «Пристали ко мне с одним южным Островком. Не знаю, как и поступить?.. Мне-то лично он не нужен. Но уж слишком много за него русской кровушки пролито. Да и курорты там неплохие. А просят друзья, братушки. Обещают при случае помочь. И такой случай скоро придет. Сердцем чувствую. Перекопал я огород, в надежде посадить новые растения, а старые не дают, бунтуют. Глядишь и огородника сожрут, вот тут братушки и пригодятся... Так как мне поступить?» Я ему: «А ты водочки-то еще выпей. И там поймешь, как и что»

– И дальше? – с нескрываемым интересом спросил убийца.

– Выпил он. Затем крикнул от удовольствия. И... отдал этот Островок к чертовой бабушке! – С глаз долой, из сердца вон?

– Точно! Из сердца вон! И безо всякого сожаления.

Убийце не терпелось перейти к главному. Но как начать серьезный разговор? Загадочный старик («Кто он?») постоянно уводил собеседника куда-то в сторону.

«А если нет? Ведь каждая его фраза имеет прямое отношение к тому, ради чего он привел меня сюда?»

– Вы столько всего повидали, – промолвил убийца, – столько разных влиятельных людей повстречали на пути. Но зачем помогли незнакомому и совсем неприметному человеку?

– Не прибедняйтесь! – ласково произнес старик, – вы мне понравились сразу. Любовь с первого взгляда. Нет, нет, не подумайте чего эдакого... У меня совершенно нормальная ориентация... Но как вы ловко того парня! Прямо в сердце! За такого мастера не грешно и выпить.

«Значит, он действительно все видел!»... А разве приходилось сомневаться?

– ...Почему не донесли на меня в полицию?

– Зачем? – изумился старик, – я обожаю истинных мастеров, художников, творцов. Какое из трех определений вам больше всего подходит? Художника или творца все-таки ассоциируют с искусством. Вы же проявили искусность. Остановимся на Мастере? Так теперь и буду вас величать? Не против?

– Это взамен моего настоящего имени? – усмехнулся убийца. – Нет, не возражаю. Тем более настоящее имя мне порядком надоело.

– Чудненко, чудненко, дорогой Мастер. За ваше новое крещение.

– А как мне вас называть?

– Да как душе угодно. Например, Василий Петрович.

– Василий Петрович?

– А почему нет? Не нравится, придумайте другое имя. Убийца, или станем теперь называть его «Мастер», несколько мгновений молчал, озадаченный столь нетривиальным ответом. Он решил пойти напрямик:

– Вы помогли мне, Василий Петрович. Спасибо. Но что меня ожидает дальше? Мне тем более не простят смерти тех... киллеров... Мои враги слишком влиятельны и могущественны.

– Судьба целиком зависит от человека. Как он поведет себя в той или иной ситуации, так и закончит свою жизнь.

– И как мне вести себя?

Старик лукаво ухмыльнулся:

– Прежде всего, найти могущественных друзей.

– Кому нужен тот, кто попал в немилость элиты?

– Ну-ну! Иногда именно таких и принимают в компанию.

– Но я ведь не просто становлюсь другом. Я принимаю условия игры?

– Когда люди в команде, они играют по единым правилам.

«Только устанавливать их буду не я».

Однако иного пути у Мастера не было. Старик явно предлагал войти в его свиту. Стоило согласиться, это единственный путь к спасению. А то, что старик мог бы спасти его – сомневаться не приходилось.

– Если бы я попросился в вашу команду, Василий Петрович?..

– Какой я теперь командир! Старый больной человек. Ох, до чего же я старый и больной!

И он заохал, заохал, запричитал. А когда закончил нытье, опять сделался веселым и оптимистичным:

– Ну, да ладно, Мастер. Я готов записать вас в свои друзья. Но есть некоторые формальности. – Я должен скрепит наш договор кровью?

– Кровью? Как оригинально! – старик так захохотал, что затрясся стол и все приборы на нем. – Бесподобно! Просто бесподобно!

Отсмеявшись, он сказал уже серьезно:

– Крови не потребуется. Но вы должны быть правдивы со мной. Никогда не лгать несчастному Василию Петровичу.

– Обещаю, – кивнул Мастер.

– Вот это да! Он пообещал! – казалось, восторгу старика не будет конца. Секунда, и он бы пустился в припляс, как тогда парни из НКВД. Его собеседник, окончательно загнанный в угол непонимания, на всякий пожарный повторил: – Обещаю!

– Чудненко! Чудненко! – без конца произносил старик свое любимое словцо. – Правда всегда выплывает на поверхность... Не слишком нравится «выплывает»? Согласен, некоторые ассоциации – с дерьмом. Но, с другой стороны, дерьмо – это же так естественно.

– А какой правды вы ожидаете от меня?

– Настоящей. Признаю только НАСТОЯЩУЮ. Итак, готовы предстать перед оком инквизитора?

– Готов, – поддержал Мастер шутливый тон собеседника.

– Вот вы вчера изволили в лаборатории покончить с одной дрянной девчонкой... «Он знает?!»

– Не бойтесь, это вы сделали правильно. А то сует свой нос куда не следует... И кое-что взяли там, в лаборатории.

Глаза старика впились в собеседника, и втягивали его в себя, как гигантский пылесос маленькие пылинки. Мастер поежился, почувствовал, что просто не сможет соврать.

– Да. Несколько дисков, – прохрипел он, точно под гипнозом. – Но важным, как я понял, оказался только один.

– Он-то и НУЖЕН мне!

«Что это за проклятый диск? Почему из-за него столько возни?»

Впрочем, Мастер с превеликим удовольствием передал бы его старику, только... – Я уже все отдал. – Вот как?

Мастер почувствовал, как некая сила будто приковала его к стене, а потом неведомый мучитель вбивает в тело настоящие гвозди. Он едва не закричал от боли... Но ведь он говорит правду!

– Вижу, что не обманываете меня, – дружелюбно произнес старик. – Вы выполнили задание, а они вас за это приговорили к смерти! Несправедливо, ужасно несправедливо!

– Они взъелись, что я убил девчонку. У меня не было выхода, она сорвала с меня маску и начала кричать. Она бы узнала меня!

– Ваши БЫВШИЕ хозяева – далеко не паиньки. Они бы убили ее в любом случае. Но они испугались, вдруг и вы заинтересовались содержанием того диска. Но ведь не заинтересовался, проказник? – Да нет. Нет!

– Опять не солгали. Вот что значит честность и неподкупность друга. Правду за правду: вы были обречены на смерть с той минуты, как взялись за выполнение этого задания.

«Классная подстава со стороны шефа!»

Желание мести буквально захлестнуло Мастера, ему стала безразлична собственная судьба. Но эти подонки... Он отомстит! Пусть даже это будет последняя месть в его жизни!

– Такое не прощают, – поддакнул старик. – Надо отомстить им. И самое лучшее здесь – выкрасть нужный диск.

Теперь поведение старика «приобретало смысл». Но убийцу уже это не волновало, он готов был во всем помочь своему спасителю.

– Проклятье, раз там информация, они ее прочитали. И скопировали.

– Пусть, – ухмыльнулся собеседник. – Прочитали, да мало что поняли. Хотя им покажется, что ПОНЯЛИ ВСЕ.

– Выкрасть... Но как вы это себе представляете? В каком офисе, в каком сейфе они все это спрятали? Какой из дисков нужен конкретно?..

– Определить это сложно, – согласился старик, – надо просто потребовать, чтобы они его ВЕРНУЛИ. Раз подставили вас, договор расторгается. – Потребовать?.. Кто для них я?..

– Партнер, которого они подвели. Им только кажется, что они опасны, – ухмыльнулся собеседник, – на каждую силу находится другая, более совершенная. Не согласны?

– Пожалуй, соглашусь, – Мастер вспомнил, как, играючи, старик расправился с группой киллеров. За такого следует держаться. Только кто он?

И невольно повторил этот вопрос вслух.

– Еще не поняли, Мастер? Ваш друг. Друзья познаются в беде. Я помог вам, теперь вы помогите мне.

– Но как?!

– Позвоните...

– Кому?

– Вашему бывшему шефу и потребуйте, чтобы он вернул диск. Но с настоящей информацией. – Он посчитает меня сумасшедшим. – Припугните его.

– Припугнуть САМОГО?..

– Именно его. Действуйте!

Шутливая просьба звучала как приказ. Будто что-то полыхнуло в мозгу Мастера... ОН ПОЛУЧИЛ ПРИКАЗ, КОТОРЫЙ НЕ ВЫПОЛНИТЬ НЕЛЬЗЯ.

Одновременно в душе расцветало злорадное удовольствие. Старик наверняка поможет, так что шанс отомстить есть! И плевать на собственную судьбу!

Ощущение будущей мести (припугнуть САМОГО!) было столь сладким, что он даже зажмурился от удовольствия. И вдруг спохватился: – Нас вычислят!

– Не успеют, – хихикнул старик.

И вновь в душе Мастера появилась странная уверенность, что так называемому Василию Петровичу стоит поверить. Он набрал нужный номер. Он не думал, что ему ответят... Но нет, Мастер услышал голос, от которого еще недавно трепетал. – Где ты? – спросил САМ.

– Там, где должен быть, – нахально ответил Мастер. – Вы послали своих людей убить меня... Надеюсь, уже в курсе того, что произошло? Их больше нет. Я не пощадил никого.

– Так значит?..

Впервые Мастер ощутил в голосе главы организации нотки растерянности. И сразу ринулся в атаку:

– Вы нарушили условия сделки. Верните диски. Точнее, один из них. Вы прекрасно знаете, какой. – Что?

– Не люблю повторять. Верните, иначе я убью вас.

– Ты смеешь мне угрожать?!.. Я разрежу твое тело на мелкие кусочки и скормлю свиньям.

– Я вас УБЬЮ! – повторил Мастер и отключился.

– Чудненько! Чудненько! – захохотал старик, – вы очень умело приучаете его к мысли, что с диском следует расстаться.

Эйфория прошла, Мастер сообразил, что сдуру перешел все границы. А старик... Сегодня здесь, завтра там...

– Вы могли бы забрать его и без моей помощи. С вашими возможностями...

– С моими возможностями лучше обратиться к вашей помощи, – перебил старик, давая понять, что дальнейший разговор на эту тему бессмысленный.

И опять Мастер подумал, чем может обернуться для него минута пижонства. А старик не прекращал наполнять пространство зала тоненьким хихиканьем: – Гляньте туда, Мастер. Узнаете?

В зал вошли парень с девушкой. Девица – огненно-рыжая, вся в пирсинге, смотрела вокруг себя дерзко и вызывающе. На парня Мастер даже не взглянул. Все внимание – только девушке.

– Дочь вашего бывшего шефа, – с умилением прошептал старик. – Вот кто станет козырной картой в борьбе с ретивым папочкой.

Мастер кивнул. Он снова попал в сети удивительных чар своего нового товарища.

Глава четвертая

Визит дамы

Федор никак не мог уснуть, все ворочался с боку на бок, да по детской привычке считал белых слонов. Когда не помогло, попытался припомнить приятные моменты жизни, но их быстро закрыла тяжелая серая пелена. Не получается уснуть, никак не получается!

Он поднялся, выпил корвалол. Снова не помогло. Вдобавок ко всему резко усилилась головная боль: или проклятое давление, или рецидив последней трагедии?.. Да кто ему эта Крамская? Даже не друг. Обычная коллега по работе.

И опять: «Почему Лена удалила папку «Главное»? А вдруг не удалила?.. Что если она у нее в другом месте? Что за материалы у нее пропали?»

Теперь Федор мог поклясться: он видел у нее коробочку с приметной картинкой, на которой друг детей Карлсон, только постаревший и еще более разжиревший. Именно она и исчезла. Какие диски Лена там хранила?

Предположим, что-то связанное с их научной работой. То есть она получила какую-то новую информацию насчет необычных свойств пирамид? Какую?

Федор вспомнил, как впервые оказался под сводами Пирамиды. Он был обычным туристом в Гизе (*город в Египте*. – Прим. авт.), путь лежал к знаменитой пирамиде Хеопса. ОБЫЧНЫЙ ТУРИСТ среди множества других, таких же рядовых созерцателей...

Но едва он переступил Главный вход, как перестал быть ОБЫЧНЫМ ТУРИСТОМ. Он вдруг почувствовал, что попал в мир, который принадлежит ему и которому принадлежит он сам. Федор путешествовал неведомыми тоннелями, неожиданно ставшими... такими родными. Ему хотелось бродить и бродить здесь от «камеры царицы» (*то есть усыпальницы*. – Прим. авт.) к «камере царя». Перед ним находилась страна загадок и покоя, страна, столь отличная от того, что окружало его до сих пор. Мир за границами пирамиды он теперь ненавидел. Одна нескончаемая суeta! Люди носились, как бешеные, пытаясь ухватить кусочек «золотой жизни». Водоворот судеб крутился, большинство отсекались и вышвыривались вон, чтобы раствориться в небытие. И только некоторые взбирались на пик удачи, чтобы возможно сгнать в лаве очистительного огня. Раньше Федору казалось, будто с самого рождения его преследует некто очень злой. Злодей мешает ему нормально жить и развиваться. И не только ему, но и друзьям, соседям, многим-многим вообще. Скорее всего, зло поселилось именно у него на родине, здесь оно свило себе гигантское гнездо и постоянно высматривает каждого... Ведь не могут же люди только страдать! Не может страдание становиться смыслом бытия и едва ли ни философией целой нации.

Потом, когда судьба позволила ему увидеть иные страны, он понял, что нет идеального общества. Везде одно и то же – суeta и борьба за кусочек «золотой жизни». И на вопрос: «Куда бежать?», Федор получил ответ: «Некуда!».

И тут он нашел свой ИДЕАЛ. Именно под сводами древней усыпальницы соединились для него Утопия Мора, Иллирия Шекспира и Город Солнца Кампанеллы.

А гид, молодой копт, рассказывал о чудесных свойствах древних исполинов. Федор услышал то, о чем впоследствии получил научное подтверждение: в зоне воздействия пирамид возрастает иммунитет живых существ, увеличивается жизнеспособность клеточной ткани, в организме блокируются негативные процессы и многое-многое другое.

С экскурсии Федор вернулся потрясенный. А впереди его ждали другие пирамиды – Розовая, Хефрена, Ломаная. И везде Москвин находил нечто такое, что шаг за шагом перестраивало его прежние устремления. Теперь он твердо знал, темой его научных изысканий

станут пирамиды. Он откроет многое из того, что еще сокрыто за каменными стенами удивительных усыпальниц.

Так началась научная карьера Москвина. Экспедиции, поиски, головоломки... Через три года он написал блестящую работу и защитил кандидатскую диссертацию. Затем его пригласили в институт Русской истории, как выяснилось, пирамиды – это и наше явление. Федор познакомился с Леной Крамской, с ней они работали над серьезным проектом, начальство их поддерживало, постоянно шло на встречу. Все было идеально и вдруг...

СКОРЕЕ ВСЕГО, ЗЛО ПОСЕЛИЛОСЬ ИМЕННО В РОССИИ.

Нет, все-таки сомнительно, что Лена погибла из-за своей научной деятельности. Сейчас за это не убивают.

Не убивают?!..

Федор сразу вспомнил, как в начале века страну потрясла серия убийств известных ученых. Россию явно стремятся обескровить, оставить без главного – мозгов. Так и получается: кто-то, слишком талантливый, отсюда уедет, другого убьют. А кто останется?..

Но Лена пока не вошла в научную элиту. Она была всего лишь молодым, подающим надежды ученым. Неизвестно, что из нее в итоге бы получилось.

Отбросив «научную версию», Федор начал вспоминать любые, возможные детали, которые могли бы послужить причиной убийства Крамской. Увы, сколько головы не ломай, к разгадке не подберешься...

Зачем это ему? Пусть расследованием занимается полиция.

Однако тяжкие думы, точно упыри, впились в Федора и терзали, терзали! Что-то было вчера, во время их последнего с Леной разговора... Надо припомнить каждое слово...

Она не пошла на день рождения к Павлу Петровичу, заявив, что есть дела поважнее.

Следователи уже задавали ему этот вопрос, тогда Федор не задумался над ним. Не захотела, и все тут. А правда: **ПОЧЕМУ ОНА НЕ ПОШЛА?** Что это за неотложные дела?

Последние несколько дней Лена ходила важная и загадочная. И вновь в тишине комнаты будто звучат ее слова: «Федя, я скоро получу такое, что все наши прошлые изыскания можно выбросить или сжечь... Я тут создала папочку «Главное», скоро покажу тебе». Почему «скоро»? Не все срвалось в ее выводах, предположениях? Или причина в другом?..

«Итак, о чем мы говорили вчера? Вроде бы ни о чем конкретном. Детали диалога, детали...

Я ее спрашиваю: «Ты пойдешь в ресторан?» Она: «Нет». Я: «Мы не достойны общения с будущей звездой?» Она: «Есть дела поважнее» Я: «Неужели у моей коллеги появилась личная жизнь? Кто он, тот счастливцев, точнее – тот несчастный?»... Она... А ничего она не ответила! Просто хитро улыбнулась. И добавила: «Я сегодня задержусь на работе». А дальше... мы попрощались.

Что **ЗАСТАВИЛО ЕЕ ЗАДЕРЖАТЬСЯ?** Когда я уходил, она сосредоточенно работала за компьютером...

Не было у нее никакого! После неудачи в семейной жизни Лена избегала мужчин. Ее бойфренд – наука! Одержимая женщина!.. Впрочем, как и я сам».

Федор поднялся, подошел к окну, наблюдая за обильно поливаемой дождем темной улицей. Как уныло и грустно! Медленное умирание природы, а затем на несколько месяцев – мертвый сон!

«Почему возникло ощущение, будто за мной следят?... Напряжение в атмосфере, чьи-то невидимые взгляды... Я точно вновь оказался на войне...

Я мог ошибиться, никто и не следил. В моих опасениях виновата **ТЯЖЕЛАЯ АТМОСФЕРА ОСЕНИ?**»

В который уже раз он услышал женский голос, которому захотелось внимать:

«Сгорело лето, как ночной костер,
И осень, свой хронометр заведя,
Багряно-шелковый раскинула шатер,
Расшитый бисером серебряным дождя.
Свинцовой каплей падает тоска
С темно-зеленой ароматной хвои.
Протянута сквозь Млечный путь рука.
Чтоб встретиться средь звезд с твоей рукою...»

Таинственная поэтесса опять была рядом с ним, но кто она? Почему ее видит только Федор.

Это его фантазия? Или тоска по любви, которой не было? Любви именно к поэтессе!

С детства Москвин обожал поэзию, сам пробовал сочинять, пока не понял: это не его стихия. Он не мог срифмовать даже пару строк. Оставалось только наблюдать за творениями других, восхищаться ими, втайне завидовать, и лишь в волшебных снах влезать в состояние кудесника слова. Во сне ТВОРЦЫ приходили к Федору, обсуждали свои великие замыслы, советовались. Федор внимал, говорил медленно, дабы поднять значимость каждого своего слова. Они были РАВНЫ, творец и критик!.. Но после снов, увы, – пробуждение...

Вот и сейчас, его поэтесса – очередной сон, тщетная попытка материализовать несбывшееся. Пусть так! Но у «несбывшегося» есть густые темные волосы, красивое белое лицо, резко очерченный рот, дерзкий, страстный взгляд и удивительный, западающий в душу голос.

Как же ее, высокую, стройную богиню, не заметил Павел Петрович, да и остальные тоже?.. Потому что ЕЕ НЕТ!

– Тебя нет! – громко произнес Федор в пустоту. И тут ощутил чье-то присутствие. Резко обернувшись, заметил тень в углу комнаты. Какой должна быть его первая реакция? Броситься на незнакомца? Или ретироваться и приготовиться к отражению удара?.. Но словно ноги одеревенели, а внутренности свела судорога. Федор обреченно смотрел, как тень приближается, подходит к креслу, садится. Вспыхнул свет ночника, перед Москвиным – та самая поэтесса. Теперь он явственно увидел, что она – не призрак, не плод воображения. Она – реальна!

Волосы ее были не темными, скорее – каштановыми, лицо – точно белое, как снег в еще нетронутом цивилизацией лесу. Смотревшие в упор карие глаза излучали мощнейшую энергию. Такую энергию, что ломалась воля даже у самого волевого. Да кто она такая?!

Однако Федор вскоре понял: незнакомка не пугала его, а просто предупреждала, чтобы не совершил какой-нибудь необдуманный поступок.

– Это сон! – в последний раз пробовал убедить себя Москвин. Однако уже и сам не верил в свои слова.

Он оглядел комнату, кажется, кроме поэтессы здесь больше никого...

С какой целью она явилась к нему среди ночи? Обычно такие гости – не к добру. Друзья посещают вас днем...

– Как вы попали сюда? – прохрипел Федор и сам не узнал свой голос.

Взгляд ночной посетительницы как будто стал мягче;

похоже, она старалась расположить к себе хозяина дома. А Федор продолжал тревожно размышлять:

«Если она собирается причинить мне вред, то уже бы сделала это. Нет, ничего враждебного она не предпринимает. По крайней мере, пока...»

Глаза женщины продолжали следить за Федором. Он немного отошел от неожиданности, сделал шаг, второй по направлению странной гостьи. Он требовал ответа.

– Я вам не враг, – сказала женщина.

– Очень надеюсь... Но вы... здесь! Вы следили за мной?.. Это ведь вы СЛЕДИЛИ ЗА МНОЙ? И весьма своеобразным способом... Читали стихи! – Мне казалось, вы их любите.

– Люблю?.. Да, пожалуй... Но мало ли что я люблю.

Федор замолчал, пытаясь отойти от первоначального шока. Одно присутствие незнакомки продолжало путать все его мысли. Нет, так продолжаться не может...

– Я не получил объяснений: как вы оказались в моей квартире?

– Это не сложно.

«И больше ничего?!.. Зайдем с другой стороны».

– Чем так заинтересовал прекрасную даму?

– Вы заинтересовали не одну меня.

Фраза оказалась настолько неожиданной, что на лбу Федора выступили капельки пота.

– Дело не в вашей личности, Федор Николаевич, а в ваших исследованиях.

– У меня самые безобидные исследования на свете.

– Это лишь на первый взгляд.

Гостья сделала паузу, словно предлагая Федору серьезно поразмышлять над ее словами. Логика вновь приводила к убитой Лене. Что если его предположение все-таки верное? Крамская получила КАКУЮ-ТО ИНФОРМАЦИЮ. Но вряд ли это информация о мафии, о хищении государственных средств или шпионских связях высокопоставленных лиц. Подобная «чепуха» Лену попросту не интересовала. Она жила загадками пирамид! А гостья тем временем продолжила:

– В своей работе вы невольно перешли грань, за которой начинаются вещи далеко не безобидные. – Лену убили из-за наших исследований?

Молодая женщина молча кивнула. По коже Москвина пробежал легкий озноб. Фраза Лены о том, что скоро она получит ТАКОЕ, после чего прошлые изыскания можно счесть, больше не казались бахвальством.

Чего она получила? От кого?.. Не станет ли сам Федор следующей жертвой? Преступники наверняка решат, раз Крамская и Москвин работали вместе, она могла обо всем рассказать партнеру. Поэтому он и чувствует за собой слежку.

Следовало бы спросить гостью: «Кто убил?», но... вдруг это сделала именно она? Или нанятый ею человек?.. Наивно интересоваться у преступника, кто совершил преступление!

– Почему я должен вам верить? – сказал Федор.

– Потому что ваша коллега УЖЕ ПОСТРАДАЛА.

– И теперь моя очередь?

– Возможно.

– А вы решили стать моей спасительницей?

– При выполнении определенных условий.

...Итак, от него что-то хотят. Считают, будто он обладает важными сведениями. Есть шанс, что пока не станут применять «радикальных действий»? Надо постараться хоть как-то прояснить ситуацию... Но как развернутся события, когда выяснится, что он НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТ? Его уберут «за ненадобностью»?

Пока же тянуть время, выпрашивать, выведывать, чтобы хоть что-то понять!

– Кто вы? – задавая вопрос, Федор прекрасно осознавал, что и сейчас не получит правдивого ответа. Либо она уйдет от него, либо «придумает отмазку». Впрочем, из потока лжи можно выудить кусочек правды.

– Это сложно объяснить, – промолвила незнакомка.

– Попробуйте. Не такой уж я дурак.

– Мне понятна ваша ирония. Только то, что я вам сейчас скажу, не вписывается в традиционные представления, противоречит логике и вообще больше похоже на сказку.

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, – тихонько напел Федор строчку из старой песни.

– Вижу, вы уже окончательно пришли в себя, – улыбнулась незнакомка. – С чего мне начать? – Представьтесь для начала.

– А вы поверите, что я назову свое настоящее имя?

– Нет.

– И как бы вам хотелось меня назвать?

– Про себя окрестил вас Поэтессой.

– Очень оригинально. Пусть таковой и останусь.

– Мне кажется, вас вижу только я? Павел Петрович, чье день рождения мы отмечали, уверял, будто никакой поэтессы за нашим столиком в ресторане не было. Вот так: не видел вас и не слышал стихов.

– Значит, он не интересуется поэзией, – улыбнулась ночная гостья.

«Это не ответ!»

– Я ответила, – возразила собеседница. – Судя по тому, что я слышала на вечеринке, Павел Петрович – чистый прагматик, ему до искусства, как до Луны. Вы же – другой. Для вас поэзия – жизнь, любовь, музыка...

– Вы и об этом знаете!

– Достаточно посмотреть человеку в глаза... Вы так слушали меня!

– Мы отвлекаемся, уважаемая Поэтесса. Время загадочных недомолвок пора заканчивать.

– Хорошо, объясню популярно. Но отнеситесь к моим словам серьезно.

– Постараюсь.

– Уж, постарайтесь! Не забывайте о судьбе своей коллеги.

При воспоминании о несчастной Лене, Федор внутренне напрягся и стал ожесточенно внимать каждому слову Поэтессы.

Глава пятая

Женское коварство

– ...Я не случайно привела вам пример с Павлом Петровичем. Человек видит то, что желает видеть. И в том его первая ограниченность. Но это – полбеды. Гораздо хуже, что многое ему НЕ ПОЗВОЛЕНО ВИДЕТЬ.

– Не позволено кем? – сразу же спросил Федор.

– Возьмем хотя бы фактор реальных биологических возможностей. Человеческий глаз различает лишь определенные цвета, характеристики вещей и процессов, у него резко ограничено поле действия и других органов чувств – слуха, обоняния... Здесь ему дадут фору даже многие представители животного мира.

«Мой нюх, как у собаки, а глаз, как орла», – сразу припомнилась Москвину песенка из известного мультфильма.

– В итоге, – подытожила Поэтесса, – в мозг поступает очень небольшой объем информации. И только эти крохи человеком и анализируется...

«Она собирается рассказывать мне общеизвестные истины? Или тут отвлекающий маневр?»

Ночная гостья поймала его мысль, точно опытный зверолов блуждающую по лесу дичь:

– Я вас понимаю: хочется поскорее – к сути. Но эта «общеизвестная истина» является для человека и счастьем и величайшей трагедией. Почему счастьем?.. Потому что он лишен возможности познания многих проблем Вселенной. И не дай Бог, при его уровне развития и мышления, когда-нибудь их узнать! Почему трагедией?.. Он, точно слепой котенок в поисках молока. Ему подсовывают спасительное блюдце, а он думает, что нашел его сам. Возрастает наивная уверенность в собственных грандиозных познаниях. Человек «перестает» быть просто творением, и считает себя едва ли не подобным Творцу.

– А на самом деле?

– На самом деле все «грандиозные познания» – полный миф. Как я уже сказала, люди продолжают блуждать по лабиринтам невежества. Но при этом почти каждый воображает себя то ли Моисеем (*Библейский пророк, вывел свой народ из Египетского плена.* – Прим. авт.), то ли Данко (*герой рассказа М.Горького, который вырвал у себя из груди сердце, и осветил им путь своим сородичам.* – Прим. авт.). Стоит ли объяснять ужас подобного зазнайства?..

– Не слишком ли вы принизили человека? Расщепление атома, полеты в космос, создание уникальных медицинских препаратов – невежество?

– Помилуйте, Федор Николаевич! Все это – лишь поверхностное прикосновение даже не к Тайне, а к ее оболочке. Поэтому тот же атом или космические путешествия скоро обернутся такой трагедией! ЧЕЛОВЕК НЕ ЗНАЕТ ПРАКТИЧЕСКИ НИЧЕГО, чтобы говорить о нем, как о некоем высшем существе. Ему неведомы ни левитация, ни телепортация, ни мысленное общение с сородичами, для него закрыта дверь, как в параллельные миры, так и в свое собственное прошлое и будущее. Время ограничено реалиями сегодняшнего дня, поэтому реальной «исторической памяти» нет, и никогда не будет. Вы сказали об уникальных медицинских препаратах... И в чем их уникальность? В том, что средний человек не доживает до восьмидесяти, причем лишь половина этого времени относится к жизни активной? Примеров сотни!.. Вы даже не в силах разгадать загадку сущности дельфинов...

«Она сказала «ВЫ»?! А кто же тогда она? Инопланетянка, что ли? Вот бы спросить ее: «Зачем вы посетили нашу скучную планету, где обитает кучка недоумков? Интересно, что ответит? Посмотреть хоккейный матч Россия-Канада? Или послушать шоу очередного политика-юмориста?» Вслух же он произнес другое:

– Выходит, мы со свиным рылом, да в калашный ряд?..

– Выходит, – подтвердила Поэтесса. – Но тут уж ничего не поделаешь. Что в вас заложено, то заложено.

Федору вся эта комедия стала надоедать. Для чего она несет ненужный философский сор? Она была гораздо привлекательнее, когда читала стихи. Но в данном случае его интересует не поэзия, а конкретика ЕГО ДЕЛА.

– Я продолжу, – сказала ночная гостья, – чтобы вам стала понятна цель моего визита. – Сделайте одолжение.

– Что вы знаете о пирамидах?.. Не смотрите на меня дикими глазами, уважаемый без пяти минут доктор наук. Ваши познания ничтожны! Ничтожнее муравья перед беспощадным сапогом человека...

«Вот так, изучаешь, лезешь из кожи вон, а тебе сообщают, что ты полное дерьмо...»

– Вы рассматриваете пирамиды как «инструмент в руках венца творения». Но это – нечто большее, путь в иные миры и измерения планеты, тайные ходы в прошлое и настоящее. Пирамиды существуют вне влияния человека, даже если построены его руками.

– Вы не открыли Америки. Я слышал, будто цивилизация майя перешла по неведомым тоннелям пирамид в другое измерение. Извините, слишком похоже на сказку.

– Странно слышать это именно от вас. Что вы почувствовали, когда впервые вошли в пирамиду? – Имеет ли это значение? – И все-таки?

– Я почувствовал... Я мог почувствовать, что угодно. Я ученый. И мне тридцать четыре года.

– Хорошо, – медленно произнесла Поэтесса, – а как я попала в вашу квартиру? – Было бы желание...

– Замок не тронут, дверь на цепочке.

– Возможно всякое.

– Но ведь вы были на войне, даже в разведке. И к вам так легко оказалось проникнуть? Вы наверняка реагируете на малейший звук.

– Пожалуй, – согласился Москвин.

– Тогда как?..

– В жизни случаются чудеса.

– То верите в них, то не верите. Остается одно средство, чтобы вы **ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОВЕРИЛИ**. Дайте руку...

Федор секунду колебался, но потом решился. Не хотелось, чтобы его посчитали трусом. Но едва пальцы коснулись руки незнакомки, он ощутил электрический разряд. А дальше...

Его донимали холодный ветер и мелкие противные капли дождя. Как так? В квартире тепло, включили отопление. И тут он понял, что находится не в квартире, а на улице. Рядом – подъезд ЕГО ДОМА, посмотрев вверх, Федор увидел одинокую полоску света на шестом этаже. Там, где его спальня...

– Видите, – сказала Поэтесса, – как все легко и просто.

«Мы спокойно переместились в пространстве?! Не может быть. Она каким-то образом ввела меня в транс, вывела на улицу, и... я здесь!»

А дождик проникал и проникал через легкую материю домашнего халата. Федор поежился.

– Продолжим путешествие? – лукаво предложила незнакомка.

– Не стоит. Не при параде я...

– Вы так до конца и не верите, считаете, будто я увлекла вас сюда обманом. Тогда еще одна экскурсия. На сей раз приятная.

И опять она взяла его за руку.

...Он был в знакомом ресторане, вокруг – коллеги, и виновник торжества маленький круглолицый Павел Петрович. Все болтали, хохотали, травили анекдоты, однако внимание Москвина полностью сосредоточилось на Поэтессе. Она была в самом центре компании и, одновременно... вне ее. Она поднялась, внимательно наблюдая за Федором: глаза в глаза! А что же остальные?... Они будто бы и не замечали ее?!..

– Дружище, ты пробуравишь во мне дырку, – сострил один из сотрудников.

– Не на тебя он смотрит, а на твою соседку, – возразил ему Павел Петрович, – на нашу милую секретаршу Анжелу Ивановну, точнее – на ее сумасшедшее декольте...

Получается, что гости за столом даже НЕ ВИДЕЛИ Поэтессу(?!). И вновь Федор услышал звонкий голос декламировавший знакомое: «Июль пылал невыносимым зноем».

«Что со мной?... Мираж?... Безусловное давление на мой мозг?..»

Федор протер глаза... Видение не исчезало, все оставалось по-прежнему: день рождения, ресторан, веселая толпа. Надо объяснить им, что ничего этого нет! Как объяснить?

Внезапно Федор подумал о том, КАКОЕ СЕГОДНЯ ДОЛЖНО БЫТЬ ЧИСЛО? Поэтесса посетила его в ночь с шестнадцатого на семнадцатое. Значит, собирались они в ресторане пятнадцатого.

– Сегодня пятнадцатое? – на всякий случай спросил Москвин у соседа.

Тот кивком подтвердил. Выходит СЕГОДНЯ ДЕНЬ, КОГДА УБИЛИ ЛЕНУ. Есть возможность предупредить ее, спасти!

Он схватил телефон, однако в голове вихрем пронеслись слова Поэтессы:

– Вы не можете менять ход истории.

– Смогу! Еще как смогу!

– Уже ничего нельзя сделать...

– Можно!!!

Поэтесса потянула к нему руки, ясно – хочет увести обратно, в настоящее. Он вскочил и побежал, не обращая внимания на удивленные взгляды сослуживцев. Однако как убежать маленькой лошаденке от реактивной машины! Куда бы Федор ни заворачивал, везде видел ее, Поэтессу!

Курительная комната оказалась пустой. Именно здесь и произошел решающий разговор.

– Дайте руку, Федор Николаевич!

– Я хочу СПАСТИ ЕЕ!

– Лена уже мертва! Ее убили двадцать минут назад.

– Господи!.. Почему мы не оказались здесь раньше?..

– Я уже объясняла. Федор Николаевич, вы только навредите себе.

– А вы безжалостны!

– Жалость здесь не причем. Позже поймете.

Федор продолжал сжимать в руках телефон, казавшийся сейчас таким бесполезным... ЕЕ УБИЛИ ДВАДЦАТЬ МИНУТ НАЗАД!

– Дайте руку! – повторила Поэтесса.

Москвин терпеть не мог, когда кто-то (пусть даже начальство) диктовал ему условия, обычно в этот момент внутри него до предела натягивалась струна неповиновения, он становился неуправляемым. Легко мог совершить поступок, о котором впоследствии бы пожалел. И все равно шел напролом, поскольку был уверен в своей правоте.

Но сейчас он остановился, задумался...

Бежать в институт?... Он лишь себе навредит, застукают на месте преступления, сразу станет подозреваемым. Органам ведь у нас только прицепиться, есть козел отпущения – есть очередная награда. А козлик он вполне подходящий! – ...Дайте руку! – повторила Поэтесса.

Вновь непонятная сила скрутила Федора, дробя его волю и убеждая в правильности сомнений. Этой силе он противостоять не мог. А потом и не захотел. Он протянул руку!

...Федор опять находился в своей квартире; все как обычно, и даже Поэтесса не исчезла, наоборот, она по-хозяйски расположилась в кресле, с удовлетворением наблюдая за пережившим неожиданное путешествие хозяином. У Москвина заломило виски, перед глазами быстро-быстро побежали волны.

Он действительно только что снова посетил тот злополучный ресторан?

– Так ЭТО БЫЛО? – он не узнал свой охрипший голос.

– Нет, мы пробежались до ванны и обратно, – усмехнулась Поэтесса. – Опять недоверие? Да вы, сударь, покруче любого солипсиста (*философское учение, где реальным признается только мыслящий субъект, все остальное существует только в его сознании*. – Прим. авт.). Тогда последнее доказательство. Ваш изумительный синяк... Что там говорили про свою уникальную медицину? Сколько времени ей потребуется, чтобы вылечить его?.. А я сделаю это за секунду.

Поэтесса приблизилась к Федору, коснулась его лица. Он ощутил боль, точно от укола, однако длилась она лишь мгновение.

– Теперь посмотритесь в зеркало.

Поразительно: от недавней синевы не осталось и следа! И это действительно оказалось ПОСЛЕДНИМ АРГУМЕНТОМ.

Поэтесса то ли поняла его, то ли прочитала мысли. Из ее груди вырвался легкий вздох облегчения:

– Наконец-то! А ведь потеряли столько времени.

Внезапно она напряглась, лицо покрыла печать тревоги. Женщина воскликнула: – Жаль не успею...

– Чего не успеете? – спросил Москвин.

Но она будто не слышала его, лишь сокрушенно качала головой:

– Ничего не бойтесь.

– ?!!

– Они не те, кем кажутся. Я буду рядом и при необходимости приду на помощь.

Дальше все – как в пьесе абсурда. Поэтесса резко развернулась, двинулась в сторону кухни, и почти тут же раздался звонок в дверь, который на мгновение отвлек внимание Федора. А когда он вновь перевел взгляд на гостью, то увидел, что ее... нет. Исчезла(?!)

Он осмотрел кухню, ванную, заглянул на балкон... ЕЕ НЕТ!

Звонок – настырный, очень похожий на тот, утренний, когда Федора посетили следователи. Только сейчас он казался еще более неприятным, пробуждающим в душе безысходность.

– Кто? – спросил Федор и услышал резкий ответ, от которого кошки на душе заскребли: – Полиция!

– Опять полиция? Его все-таки подозревают? Считают, будто он каким-то образом причастен к смерти Лены?

«А это правда полиция?»

Высокий парень с лошадиной мордой сунул ему под нос удостоверение. Второй, коренастый, со стрижкой под бобрик, едко улыбнулся:

– Собирайтесь, господин убийца. Вот постановление на ваш арест.

Федор прочитал документ, все печати, штампы на месте... Почему его подозревают?! Надо связаться с адвокатом. А есть у него хоть один знакомый?.. Конечно, нет. Разве мог Федор предполагать, что когда-нибудь ему ПОТРЕБУЕТСЯ Адвокат!

– Не могли подождать до утра? – вздохнул Москвин. – Еще полиция...

– Правильно, – хихикнул коренастый, – вы теперь живете в полицейском государстве.

От шутки и тона, которым она была произнесена, внутри Федора все перевернулось. Коренастый, с его развязными, самоуверенными манерами, нематыми сальными волосами и

дурным запахом изо рта пробуждал дикую неприязнь. От таких людей хочется поскорее отгородиться великой китайской стеной.

А тот словно специально подливал масло в огонь:

– Одевайтесь поскорее. Или вам подсобить?

«Услужливая тварь!»

Когда спускались по лестнице, Москвин впервые ощутил некоторое облегчение именно от ночного визита полиции. Из соседей – никого. А то что бы они подумали, если бы его вот так повели днем? Конечно, он ни минуты не сомневался, что его оправдают, но доказывая потом остальным, что ты не верблюд. Хотя мнение других не слишком волновало Федора, но ему тут жить! И постоянно ощущать подозрительные взгляды – не слишком радужная перспектива.

На лестнице он споткнулся и тотчас получил толчок в спину:

– Не вздумай дурачить нас, господин убийца.

Федор хотел огрызнуться: мол, я еще не обвинен. Но подумал вдруг: «Что-то подозрительное в их поведении. Полицейские хотя бы внешне стараются соблюсти правила приличия. А эти похожи на уркаганов!»

И тут же ему припомнилась странная фраза Поэтессы: «Они не те, кем кажутся». Если она про них, то кто эти двое?

С другой стороны переименование милиции в полицию мало что решает. Поменяли им форму, – и что?..

На улице их тоскливо поджидала машина. Неприятный тип с салными волосами приторным голосом произнес:

– Давай-ка вперед свои ручки. Наденем вот эти милые браслетики.

– Разве я собираюсь сбежать? – недобрые предчувствия Федора усилились. – Позвоните майору Селезневой, она...

И тут же получил удар под дых! Тип с салными волосами расхохотался:

– Ты будешь учить меня, кому должен позвонить? Лучше заткнись, господин убийца! И принимай свое положение как должное.

Теперь Федору стало окончательно ясно: это оборотни, и действуют они по указанию тех, кто вряд ли стремится расследовать убийство Крамской. У них СВОЕ ЗАДАНИЕ! Возможно, они собираются точно также прикончить его самого. Считают, будто он в курсе дел своей коллегии? Сейчас никому ничего не докажешь, надо спасать собственную жизнь.

– ...Понял меня, вонючка? – вновь хохотнул мерзкий тип в полицейской форме.

Его наглость сыграла ключевую роль. Федор видел перед собой высокомерных юнцов, каждый – лет на десять моложе его. Он воевал за свою страну, значит, и за них! А они ему вот такой монетой?!..

Последовал ответный удар, Москвин вложил в него всю мощь и массу. Удар раздробил типу с салными волосами челюсть, он грохнулся на землю, и остался лежать без движения. Второй оторопел, потянулся к кобуре и потерял драгоценные мгновения. Федор нанес несколько ударов подряд, превратив лицо парня в удобное поле деятельности для пластического хирурга. Поверженный противник повалился под колеса автомобиля и, как и первый, затих.

Оставался шофер, этот явно был не из храбрых. Он сразу поднял руки, заныл, что не причем, что его заставили.

– Кто заставил? – крикнул Федор.

– Не знаю! Мне сказали, вас надо доставить...

– Куда?!

– Я не знаю... – как заведенный повторял шофер, – мне давали команду и только. Отпустите меня... Я исчезну.

«Все правильно, меня посетили ребята не из полиции. Они работают на кого-то еще».

– Если ты сейчас же не расскажешь, сука...

Слезы страха залили лицо шофера, отвратительно запахло экскрементами. Парень ныл и умолял, ныл и умолял...

«Может быть, он и не знает. Надо сообщить о нападении? Кому?.. Той же Селезневой...

А ты уверен, что она не связана с ними?»

Сейчас Федор не был уверен ни в чем! Бежать отсюда! Спрятаться!.. Где?

Он в нерешительности застыл... Время! В любую минуту могли появиться сообщники.

А вон уже и автомобиль!.. Летит как обезумевший зверь! Зверь, от которого нет спасения.

По счастью он ПРОМЧАЛСЯ МИМО!

«А если я ошибся? Если эти парни как-то связаны полицией? Что меня ждет?!...»

Федор быстро обвел глазами улицу: «Видел ли кто-нибудь нашу драку? Хрен его знает! Наверняка отыщется какой-нибудь страдающий бессонницей пенсионер, ради скуки, наблюдающий за ночной жизнью. Если так, то что «свидетель» обо всем расскажет? А такой вариант: «Бандит напал на полицейских и покалечил их»?.. Дела!» Домой – нельзя. А куда можно?

Федор порылся в карманах: документов, из денег – одна мелочь. Все равно надо зайти к себе... Нельзя, никак нельзя! То есть зайти-то можно, а вот выйти?..

«И что я буду делать, имея при себе документы? Вдруг полиция остановит и попросит показать паспорт. У них глаза станут круглыми от удивления и восторга. «Это не вы ли тот самый Федор Москвин, что обвиняется в убийстве девушки и нападении на наших сотрудников?»»

Снова шум проезжающих машин. И в какой-то из них может быть подмога его преследователям. Срочно бежать!..

Он быстро двинулся по улице. Зачем он идет в ту сторону? А В КАКУЮ НУЖНО? Каков план? Отсидеться, переждать? Где отсидеться? Чего переждать? У него нет ни родственников, ни близких друзей. А если бы и были?..

Со своей улицы он повернул на соседнюю, еще более спокойную и тихую. Тихую – пока, в этот предрассветный час! Но очень скоро город проснется, встанет на уши. И ему придется прятаться от каждого случайного взгляда. И не только от взгляда, повсюду сейчас камеры видеонаблюдения. Беглеца обнаружат быстро!

Что ему сказала Поэтесса? «Я буду рядом и при необходимости приду на помощь». И где она? Правильно говорят: женщинам верить нельзя...

И тут Москвину показалось, будто вновь слышит ее голос, она декламирует очередные стихи:

«Прикоснись ко мне хотя бы во сне.
Когда лунный свет на полу серебром,
Когда ночь темна, и в твоём окне
Пляшут черные тени в огне голубом...»

Федора затрясло, теперь эта лирическая поэзия была для него проклятьем, предательством. Он не верил ни слову, но стихи вновь врывались в него, точно ласковый обман врача в душу обреченного неизлечимой болезнью:

«Пусть прозрачной и чистой приснится река,
Пляж, заросший весь изумрудной травой.
И согреет руки твоя рука,
Зазвучит над рекой голос мой...»

– Пошла ты! – не выдержав, заорал Федор в пустоту улицы.

Он не верил не только ей, он НЕ ВЕРИЛ НИКОМУ! Он знал лишь одно: надо спасать свою шкуру! Как?

А в это время на другом конце города происходили не менее драматические события, героиней которых стала одна молодая особа. Она выходила из ресторана, активно поддерживаемая своим кавалером. Ей казалось, что она не идет, а плывет, словно яхта ее отца, по бесконечным водам океана. Волны бушуют, швыряют судно в разные стороны, и оно вот-вот перевернется...

- Осторожнее, Нинель! – умолял бой-френд. – Здесь ступенька, теперь еще одна...
- Да пошел ты! – отчаянно дыхла перегаром девица.
- Нинель, – заныл парень. – Я же забочусь о тебе. Ты мне безумно нравишься.
- А ты мне нет, импотент гребаный.
- Импотент?.. Разве ты была не удовлетворена?
- Чем?! Твоим маленьким х...?
- Почему он маленький? – окончательно растерялся юноша.
- Спроси об этом у родителей, – и она заржала, как взбесившаяся лошадь.
- Я постараюсь исправиться...
- Рожденный ползать, милый, может только ползать...

Бой-френд терпел любые оскорбления, очевидно, Нинель ему сильно нравилась. Любопытно, что никто – ни официанты, ни швейцар не смотрели на эту пару с издевкой, или осуждением. Наоборот, все почтительно кланялись пьяной девице, или же предлагали бой-френду помощь. А Нинель, чувствуя безнаказанность, задиралась то к одному, то к другому, причем ее наглость все возрастала. Одному официанту она залепила пощечину, его коллегу – женщину ущипнула за зад, заявив, что хочет новых ощущений. И тут же, хохоча, бросила: «Не надейся, сучка!». Больше всего досталось толстому швейцару при входе, Нинель предупредила, что в следующий раз «засунет ему в задницу пылесос и высосет из живота весь ненужный сор». Швейцар согнулся и подобострастно захихикал: – Ну и шутница вы!

Старик и Мастер, спрятавшись за соседним домом, наблюдали за этой картиной. Старик усмехнулся:

- Хорошенькое воспитанье у дочки высокопоставленного лица.
- Какое воспитание! – ответил Мастер, – большинство нашей элиты выбились из низов, не только социальных, но и интеллектуальных. Кто стали в России первыми приватизаторами? Партаппаратчики, люди из торговой мафии, рэкетиры, да так называемые интеллигенты-революционеры...

– А чем вас не устраивают последние? – хитро подмигнул старик, – все-таки интеллигенты.

– По мне это самая страшная порода людей, Василий Петрович. Они – сознательные разрушители, Базаровы (*герой романа И. Тургенева «Отцы и дети», являлся нигилистом, говорил, что его задача разрушить, а не созидать.* – Прим. авт.) нашего времени. В конце концов, именно из этой «породы» вышли и Перовская, и Ленин, и Ельцин – вся жуть нашей истории.

– О, да вы философ! Чудненько, чудненько! С каким человечком опять познакомился! Никак закончили МГУ?

– Нет, другой университет, но не менее качественный. Одно время работал в банке, пока не попал под сокращение. Устроиться снова на такую же работу не смог. А жить привык на широкую ногу. Вот мне и предложили... новую «престижную должность», только уже иного качества.

– Каких метаморфоз в жизни не бывает! – согласился Василий Петрович. – Но смотрите, голубчик, она подходит к машине.

Фраза «она подходит к машине», конечно же, была слишком утрирована. Нинель окончательно сломалась, постоянно спотыкалась и падала. Бойфренд снова и снова поднимал ее из грязи, умолял быть осторожнее, ведь она так дорога ему. – Любимая, дай я тебя поцелую!

Нинель не оценила в должной мере ласки ухажера. То ли он был ей так неприятен, то ли сыграли проблемы с переполнением желудка спиртным, но она в ответ выплеснула ему в лицо значительную часть выпитого и съеденного в ресторане. Бой-френд однако, опять не сдавался (вот что значит истинная любовь: неважно к девушке, или состоянию ее отца), он лишь захихикал, утерся и продолжал подтаскивать подругу к автомобилю. И уже открыл дверцу...

– Пора! – скомандовал старик.

Это Мастер понял и без него. Через секунду он был рядом, ударом вырубил незадачливого бой-френда, и вместе с жертвой оказался на заднем сидении. И тут заметил, что старик – еще ловчее, он уже сидел за рулем. Однако произошла заминка, Василий Петрович так осматривал панель управления, точно видел все это в первый раз.

Тем временем бой-френд поднялся, начал звать на помощь, и к нему помчалась охрана ресторана.

– Чего же вы не сказали, что не умеете водить? – закричал Мастер, – я бы...

– Не ругайте неразумного! Сейчас, сейчас я научусь управлять этой дурацкой техникой, – последовал ответ.

Мастер пришел в шок, ничего себе старый хрыч нашел время для учебы! Но машина рванула и так понеслась, будто за рулем – самый опытный автогонщик на свете. Немного протрезвевшая Нинель взидала на все выпученными от удивления глазами. Мастер сказал:

– Я вас похитил.

– О, как это здорово!

– Здорово?

– Да, мой рыцарь! О таком, как ты, я мечтала всю свою жизнь!

Нинель и не думала кричать, драться. Наоборот, открыла сумочку, достала пшикалку и, освежив дыхание, впиалась губами в губы Мастера. А он, в свою очередь, и сам не понял, как его закрутил «любовный вихрь». В этом вихре кружились улица, дома, деревья. А звуковым фоном служил раскатистый хохот старика.

Глава шестая

Они среди нас

Полутемный кабинет был насквозь пропитан табачным дымом, будто курили здесь не менее десяти человек сразу. Но курил всего один – сам хозяин. Последние события не давали ему сомкнуть глаз, заставляя без конца отмерять шагами расстояние от одной стены до другой. События наваливались и терзали! Одна проблема сменялась другой. Казалось, судьба окончательно ошетибилась против своего любимца. А он действительно до недавнего времени был ее любимцем, и вся жизнь выглядела как бесконечная череда побед.

Но сейчас он не думал о прошлом, мучило настоящее. К его главной проблеме прицепилась следующая: он поручил убить киллера, который с некоторых пор стал **ОЧЕНЬ ОПАСЕН**, а получилось наоборот: киллер расправился с его людьми. Прикончил всех!.. Поразительно! Или он супер-профессионал, или у него были помощники?.. И еще, прибывшие на место преступления полицейские сообщили, что при первом осмотре создается странное впечатление: одна из жертв перебила остальных, а потом сама свела счеты с жизнью. Но ведь это нелепость.

Допустим, киллеру повезло, он опередил своих убийц. Что он должен был делать дальше? Срочно уехать и затеряться в России или за границей.

А как он себя повел? Сам позвонил!

Весь диалог снова прокручивался в голове. Киллер нагло заявил: «Вы нарушили условия сделки. Верните диск». Так разговаривать со своим **ХОЗЯИНОМ**?.. Пусть бывшим, но очень влиятельным! А затем окончательно перешел любые разумные границы, заявив, что **УБЬЕТ ШЕФА**. Его даже не остановила ответная угроза, он просто повторил: «Я вас **УБЬЮ**!». Он был на удивление спокоен и уверен в себе. Он разговаривал так, словно чувствовал за собой мощную силу.

Разве может быть в городе более мощная сила, чем его **ХОЗЯИН**?

Но сила эта есть, и она заинтересовалась информацией, которая была на том диске. Ведь киллер не случайно напрямик спросил именно о нем. Но об этом знали всего несколько человек – посвященные. Кто-то с улицы исключен.

«Киллер успел кому-то «продаться»?.. Кому? Столичным чужакам? Беспощадным джигитам с Кавказа? Откуда он сам прослышал о той информации?

Если он был в курсе с самого начала, то почему не скопировал диск? А он его не скопировал? Нет, нет, если бы он это сделал, не требовал бы его назад. Он узнал позже, кто-то ему сказал! И повстречал киллер своего таинственного просветителя как раз перед самым покушением на него. Точно! «Просветитель» и помог выпутаться. И, конечно же, «просветителей» – целая команда. На что они решаться?..

Нужно опередить. Пока еще у этого города есть те, кто установили здесь свои порядки. И никому не позволено их менять!»

Новое брожение по кабинету и новая сигарета: в голове один за другим рождались планы будущих действий. Есть планы, есть, только какой из них сработает?

Следует понять сущность киллера. И тогда появится шанс просчитать его возможные действия.

Хозяин кабинета открыл страницу, где содержалось личное досье на всех, с кем когда-то он был связан. Вот и тот, кто ему нужен. Подробная информация о человеке с самого его рождения. Материалы, которых нет даже у органов.

Итак, имя киллера Городецкий Алексей Алексеевич, тридцать два года, холостой, бездетный, образование высшее, работал в банке, заведовал распределением кредитов, пока не попал под сокращение. Сократили его не за плохую работу или финансовые нарушения, про-

сто сам банк оказался в сложном положении, а потом и вовсе прогорел. Чем же уволенный молодой сотрудник так привлек Организацию?

На экране – крупным планом лицо Городецкого, волевое и красивое с точки зрения женщин. Темные волосы коротко пострижены, в карих глазах – недюжинный ум. Когда его привлекали в Организацию, он понравился именно интеллектом, никто бы и не подумал, что такой блестящий молодой господин способен на самую грязную работу.

А еще чем привлек? Прекрасный спортсмен, мастер спорта по дзюдо, коричневый пояс – по карате, отлично владеет оружием – и ножом, и пистолетом. Достаточно хладнокровен, полностью послушен руководству (именно так тогда казалось), не болтлив, не любопытен, будто навечно позабыл вопрос: «Для чего?». Раз надо – значит надо. И, конечно же, жаден до денег. Деньги и стали для него решающим фактором. Понадобилось две встречи, чтобы он согласился.

Хозяин кабинета хорошо помнил эти первые вербовки. После увольнения из банка Городецкий находился не в самом лучшем расположении духа. Найти подобную работу в небольшом городе – крайне сложно, в вуз или школу идти не хотелось: зачем ему безденежье? Хладнокровье в тот момент несколько изменило Алексею, вспыхнувшая ненависть неудачника была направлена на преступную систему, власть имущих, тупой народ и, конечно же, инородцев. Городецкий не стонал, не плакал, не потрясал кулаками, призывая к революции, он говорил тихо, почти шептал, однако в том шепоте слышалась неприкрытая ярость. Он готов был также бесшумно растерзать опупевшего от взяток чиновника, говорящего с кавказским акцентом владельца торговой лавки, метущего улицу дворника с раскосыми глазами, пробравшегося во власть еврея. Он был настолько убедителен, что вербовщики засомневались: а можно ли на него делать ставку? Не выиграют ли в нем национальные чувства, не решит лион что вкакомто конкретном случае предлагаемая ему «грязь» противопоказана русским интересам?

Однако он тут же предстал и с другой стороны: ненавидя Восток, он в то же время был без ума от Запада. Даже прибалты, эти маленькие колючие кустарники в большом лесу Европы, являлись у него образцом настоящей культуры. Он говорил, что вытащить Россию из пропасти можно только одним путем: пригласить сюда в качестве управленцев немцев, англичан, и разных прочих шведов. «Эти люди спасут нас от воровства и других элементов азиатской дикости. Ведь приглашали же древние русичи варягов, а Петр – голландцев! И нынешняя ситуация не исключение. Так пусть же новые варяги тащат нас из состояния продолжающейся первобытной дикости к нравственному процветанию». Услышав подобное, человек, пришедший с ним на встречу, доложил Организации: «По своим идеям это настоящий киллер!».

С ним никогда никаких проблем не было, любое порученное ему «дело» выполнялось четко и аккуратно. И вдруг...

Не похож Городецкий на **СЛИШКОМ САМОСТОТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА**. Что-то здесь не так...

Хозяину кабинета вновь позвонили, разговор шел о размещенном на диске материале. Много не понятно, требуется расшифровка. Иного ожидать и не приходилось, конечно, нужен специалист. И такой – есть: парень, что работал с Крамской. Уже отдан приказ срочно привести его в одну из лабораторий Организации.

Опять звонок... «Так и есть, они везут этого Москвина». Однако радовался глава Организации рано.

– Москвин сбежал, – сообщили ему.

– Как сбежал?!

Ему кратко рассказали обо всем, что произошло. В ответ последовала вспышка ярости: – Найдите!

– Ищем, но...

– Что значит «но»? Никаких «но» быть не должно. У вас час! И если только....

Даже недосказанная угроза в устах главы Организации звучала самым жестоким приговором. Можно было быть уверенным, что Федора найдут и привезут в нужное место, где используют по полной программе, а потом уберут... С ним наверняка будет легче, это не Алексей Городецкий. Впрочем, и с последним скоро покончат. Только не затягивать, избавиться разом от ненужной головной боли.

Но снова звонок, от которого эта боль лишь усилилась. Глава Организации услышал голос Городецкого.

– Ты еще гуляешь? – усмехнулся хозяин кабинета, – ну-ну!

– Слушай меня, – обнаглевший киллер уже говорил с ним на «ты», – как думаешь, надутый убудок, где твоя обожаемая дочь?

– А какое она имеет отношение?..

– Она у меня.

– Что?! Да знаешь ли ты?!..

– Успокойся и будь готов к серьезному разговору. Я перезвоню.

– Если хотя бы один волос...

Однако пугать было бесполезно, Городецкий отключился. Глава Организации хотел тут же позвонить в службу безопасности, отдать новый приказ, но... остановился. С экрана компьютера на него грозно взирал бывший «мелкий служащий», он словно предупреждал, что пойдет на все. «У него моя дочь! Что придет в голову этому безумцу?!...»

Впервые за долгое время глава Организации перестал ощущать себя бесконечным хозяином положения, основной козырь был на руках у его оппонента. Конечно, потом Городецкий за все ответит... Но это случится потом!

В руках возрастала дрожь, мысли метались, как пчелы в разоренном улье. Где же выход?

Надо попытаться определить его местонахождение... Как? Он говорит быстро, тут же отключается, меняет телефоны и, конечно же, – «адреса». Но допустим, его обнаружат, Городецкий может запаниковать и убить заложницу! Даже одно только подобное предположение казалось невыносимым.

Все отцы в основном одинаковы – от нищих и забытых до самых могущественных и влиятельных. Если что-то случается с кровным ребенком, и судьба его зависит от твоего конкретного решения, принять его невыносимо сложно. Сложно быть сильным и диктовать условия другим. Зато легко, потеряв голову, подчиниться чужой воле.

«Но как эта мразь посмела?!.. А почему бы и нет, раз он понял, что все равно обречен?.. Он стремится выжить, и использует для этого любые возможности. Нет смысла его пугать; того, кто видел смерть, испугать сложно. Невозможно угрожать расправой с семьей, у Городецкого нет семьи! Остается ждать... Только бы не причинил вреда моему ребенку!»

Наконец-то очередной звонок, глава Организации старался говорить как можно более спокойно, чтобы Алексей окончательно не осознал себя господином положения.

– ...Мое условие прежнее: я возвращаю Нинель, мне возвращают диск. НЕ советую шутить: на диске должна быть ИМЕННО ТА ИНФОРМАЦИЯ. – А как ты узнаешь: та или нет?

– Узнаю, – коротко ответил киллер.

– Ты ведь в этом ничего не понимаешь. Не то, чтобы я собирался обмануть. Но ты можешь решить, что я тебя ОБМАНУЛ.

– Узнаю, – повторил Городецкий, и глава Организации понял, он не ошибся в своих подозрениях: за этим парнем кто-то стоит. – Как мы совершим обмен?

– Подожди-ка, ты подал хорошую мысль: я просмотрю диск. Если все нормально, Нинель тотчас вернется.

– Считаешь меня за кретина? Я отдам диск, а с моей дочерью...

– Ничего с ней не случится. Контракта на ее смерть у меня нет.

– Я должен иметь гарантии! – упрямо заявил глава Организации.

– Ты не в том положении, чтобы торговаться, – усмехнулся Городецкий. – Я позвоню через час. Подумай, как передашь мне диск.

Главе Организации показалось, что слышит не только голос киллера. Как будто кто-то находился рядом с Городецким и давал ему необходимые указания. Голос второго человека показался хриплым, старческим... Но тут проклятый похититель его дочери опять отключил телефон.

Теперь перед хозяином кабинета возникла нешуточная проблема: что делать дальше? Даже он был не вправе вот так просто взять и использовать по своему усмотрению материал, который принадлежит всей Организации. Он глава, но не падишах. А, значит, точно также должен подчиняться общим правилам игры. Иначе, завтра уже – не глава... Законы Организации суровы.

У него был час на решение. Всего один час!

Закончив разговор с бывшим шефом, Городецкий вернулся в комнату, где на диване в любовной неге томилась голая Нинель. Естественно, ей было невдомек, куда звонил Алексей. Но тут же она его огорошила неожиданным открытием: – Поговорил с папочкой?

– Как узнала? – удивился Городецкий.

– Догадалась. Ты ведь сказал о похищении. Вот я и подумала: что если он позвонит папочке, предупредит, что родная доченька в руках злого похитителя...

«Вот тебе и на! Ситуация меняется. А ведь все было так хорошо и спокойно. Как теперь она себя поведет?»

– ...а вознаграждением за освобождение станет наша скорая свадьба.

«Вот в чем дело!»

– Мечтаешь выйти за меня замуж?

– Очень.

– Почему?

– Ты классный! Я тащусь от твоих рук, тела и, естественно, члена. Ты достал мне до матки. – Рад.

– А серьезно, кому названивал?

– Обычный деловой разговор давнему приятелю. Тебе он неинтересен.

– Дела мне по фигу. Главное, чтобы это была не блядушка.

– Успокойся, не блядушка.

– Разве после такого члена успокоишься, – проворчала Нинель.

– Оденься. Вдруг Василий Петрович зайдет.

– По фигу! У старика наверняка только одна радость – поглазеть на женское тело. Пусть перед смертью порадует.

«Знала бы ты, милая, что он нас с тобой переживет!»

– Ты эксбиционистка.

– Кто я?

– Это те люди, которые любят обнажаться при других.

– Мне очень нравится, когда на меня зыркают, – честно призналась Нинель. – А ты чего не снимаешь брюки?

– Сейчас. Только перекурю.

– Сигареты надо бросать.

– Ух ты, моралистка!

– И переходить на травку.

– Я подумаю над твоим предложением, – рассмеялся Городецкий.

Он снова вышел в коридор, где решил в одиночестве поразмышлять над сложившейся ситуацией. Куда же исчез старик? Правда, он предупредил, что скоро вернется, но... Киллер боялся, что люди из Организации вычислят эту квартиру. И тогда... Тогда ему не позавидует последний калека.

– Леша, иди скорее! Хочу тебя! – раздался крик из соседней комнаты.

Городецкий вздохнул, отшвырнул сигарету. «Может и хорошо, что у нее началось сексуальное безумие. Не будет рваться домой!»

Федору казалось, что он вновь на войне, его рота попала в засаду, и он, отстреливаясь, пытается спастись бегством. Тогда ему это удалось, а как будет сейчас? Надо наконец что-то решать, нельзя, словно загнанный зверь, без конца прятаться по закоулкам ночного города. Уехать отсюда?.. Какой смысл?! И куда?..

Он посмотрел на темное осеннее небо, хмурившееся, грозившее очередной порцией дождя, будто специально загонявшее Федора под любое укрытие, и ощутил полную безысходность. Надо решаться, идти в полицию, рассказать обо всем, что произошло. А там посмотрим, не все же полиция сволочи!

Он прислонился к стене дома, чувствуя жуткий упадок сил. Ему хотелось, чтобы все произошедшее за последние дни стало сном, вот он просыпается, и ничего этого нет. Никто не убивал Лену, никто не преследует самого Федора. Мало того, исчезла осень, вместо нее – конец апреля, преддверие лучших месяцев года. И небо – не темное, не тревожно плачущее, а синее-синее, зовущее к полету. А увядающая зелень, выпив волшебный эликсир, вспыхивает зеленым цветом молодости и любви. Федор тихонько забормотал:

Когда стремглав я в небо улетаю
На белоснежных ангельских крылах,
Прости меня! Мой дом необитаем,
Пока душа витает в небесах.
Там легкое дыхание апреля,
И места нет ни гневу, ни обиде.
Ты никогда меня такой не видел
В сверкании блистающей капли!..
«Кого я не видел? И что это со мной?»

Тут он понял, что повторяет слова, которые кто-то шепчет ему. Конечно, она – Поэтесса! Так и есть! Темный женский силуэт отделился от стены и направился к нему...

Он не мог простить ей недавнего бегства! Зачем она так неожиданно ворвалась в его жизнь. Она несет не спокойствие, а опасную стихию! Москвин горько воскликнул:

– Опять вы?

– Да.

– Знаете, о чем я только что размышлял? К добру ли мы повстречались?

– Сейчас следует думать о другом... За вами идет охота.

– Предлагаете помощь? Но я вам больше не верю.

– У вас есть выбор?

– Не знаю...

– Меньше чем через минуту они появятся здесь.

– Как? Уже?! – Федор оглянулся в поисках путей дальнейшего бегства. Поэтесса покачала головой:

– Некуда бежать. Они станут искать вас везде и когда-нибудь найдут. Точнее, очень скоро найдут!

И, словно в подтверждение ее слов, из ближайшего переулка вынырнула машина. Она ехала осторожно, луч скользил по тротуарам, близлежащим домам, высвечивая малейшие детали. Федор шепнул: – Вон в тот подъезд...

– И что? Из него когда-нибудь надо будет выйти.

«Она права! Во всем права, к сожалению!»

Луч уже был рядом, почти плясал возле ног Федора, и от такой пляски хотелось запрыгнуть хоть на луну, хоть прямо на солнце. Сам автомобиль казался адским созданием, танком смерти, убивающим любую надежду на спасение. Он высматривал все и вся, невидимое око предупреждало: «Не уйдешь! От меня никто и никогда не уходил!»... Видимо, зловещие «танкисты» обнаружили беглеца...

Москвин взглянул на свою спутницу, и... каких-либо слов не понадобилось. Их руки сплелись, будто это было пожатие обезумевших влюбленных. И перед глазами Федора возникло непонятное мелькание, а в ушах – легкий свист. Он устремился в неизвестность...

Высочившие из машины люди отчаянно чертыхались. Федор был рядом, каждый мог в том поклясться, и вдруг... исчез! Они обшаривали каждый метр улицы, заходили в подъезды. Вскоре к ним прибыло подкрепление.

– Он стоял прямо перед нами, – сказал один из наемников Организации. – Вот здесь у стены. Кажется, с ним тусовалась девка. Хотя мои товарищи это отрицают.

– Ну, она тусовалась или нет? – спросили люди из подкрепления.

Большинство заявили, что Федор был один. Тогда наемник не без горечи продолжил:

– Может мне и показалась та женская фигура... Но, в чем я уверен на все сто: наш беглец не мог войти в нее и там раствориться!

– Он и не растворялся. Он где-то недалеко, возможно, спрятался у кого-то в квартире. Надо выяснить: есть ли у него в этом районе знакомые и друзья? Не сбрасываем со счетов и ту таинственную женщину.

Вдруг она действительно существует... Ищем ребята! Проверить все это несложно, если только... – Что «если только»?

– Если только он не обвел вас вокруг пальца. Не забудьте, он – участник боевых действий, мастер своего дела. Сбежал и баста!

– Мы не видели, чтобы он куда-то бежал, – возразили сразу несколько человек.

– Ладно! Его все равно надо искать. Ушел в первый раз, во второй обязательно попадется! От Организации не спрячешься! – Да, но время!..

– Времени у нас нет. Поэтому ищем его, ищем!

Уже был разработан план перехвата беглеца, за Федора Москвина взялись всерьез!

Федор не мог понять, где оказался. Замкнутое пространство в виде комнаты; только здесь нет никаких четырех углов, она – круглая. Москвин осматривал странные сооружения вокруг него... Какие-то водруженные на столах металлические шары, парящие в воздухе геометрические предметы. На стене висел большой черный экран, где мелькали огненные точки, мириады точек. Откуда-то сверху спустились два вертящихся кресла, стоящая рядом с Федором Поэтесса села в одно из них и предложила то же самое сделать гостю.

– Где мы? – спросил Москвин.

– В безопасном для вас месте.

– Думаете, сюда никто не доберется?

– Никто и никогда.

– Почему?

Ответ ошеломил его:

– Раса людей слишком несовершенна.

– Раса людей?.. – у Федора пересохло горло, он почувствовал, что его новая знакомая не шутит.

В голове зазвучала фраза из какого-то фильма о пришельцах: «Они среди нас!..» Нет, такого быть не может, перед ним разворачивается очередная фантазмагория! Не может?..

– Ну-ну! – улыбнулась Поэтесса, – вы же ученый, занимаетесь самым загадочным явлением на свете – пирамидами. Пора бы понять, что мир многомерен.

– Я бы хотел чего-нибудь выпить, – облизал Москвин пересохшие губы. – Не воды конечно.

Его спутница вторично растянула губы в улыбке, понимающе кивнула. И тут же в пространстве комнаты поплыли небольшие шарики, то ли из металла, то ли из пластмассы, то ли из какого-то другого материала. Поэтесса протянула руку и ловко поймала один. Затем передала его Федору:

– Сбоку крышечка, поверните. Теперь пейте. Не бойтесь, не отравитесь.

Вкус оказался приятным: нечто среднее между лимонадом и шампанским. Хотя Федор, конечно, ожидал иного напитка, который бы взбодрил и сбросил стресс. Однако... эффект оказался неожиданным, он превзошел все ожидания.

Голова слегка закружилась, тело размякло, тревога поутихла, а потом и вовсе отступила, душевное смятение прошло. Федору захотелось спать... Но перед этим в голову успела прокрасться странная мысль, совсем не типичная для ученого-исследователя Москвина: «Узнать бы секрет такого напитка, да наладить его изготовление. И название ему дать:

«Чудо-вино от дяди Федора». Или, по аналогии с другими винами – шампанским, коньяком, портвейном, что-нибудь типа фебянское, феньяк, фертвейн...»

А дальше – голос Поэтессы:

– Поспите немного! И пусть вам приснится то, о чем давно мечтали.

И снова – стихи, звучащие как чудная, мелодичная песня, как мистика сказочной страны, как романтическая сага надежды на прекрасное будущее...

«Выгнула спину цветную радуга,
Пахнет дождем и взволнованным полем...»

Там было еще что-то, но строки растаяли... в настоящей радуге. Федор плавал в сияющем разноцветье, упивался феерической красотой Божественного творения. Он был по-настоящему счастлив и совершенно не думал, что это сон – короткий, стремительный, за которым наступит тревожное пробуждение.

Но оно наступило как страшная неизбежность!

Глава седьмая

Истина номер один

Очнувшись, Федор увидел, что по-прежнему сидит в тот же самом вращающемся кресле, и за ним внимательно наблюдает Поэтесса. Она спросила: – Кажется, вы пришли в себя?

– Кажется, – вздохнул Москвин.

– Теперь вы должны выслушать меня.

– Я готов, – Федор напрягся, ожидая познать новую тяжелую истину. Почему он решил, что тяжелую? Интуиция...

– Нам тогда не дали закончить разговор...

– Ничего страшного. Я хорошо помню, что вы говорили об ограниченности человеческих возможностей.

– Вас не должны оскорблять мои слова. Да вы и сами только что во всем убедились.

«Всяк сверчок знай свой шесток!»

– Обида – один из ваших злейших пороков. Надо признать объективность, а не отталкивать ее. В противном случае, опьяненные самомнением, вы подведете мир к очередной всемирной катастрофе. Знаете, какая по счету нынешняя цивилизация?

Неожиданный вопрос поставил Москвина в тупик и мгновенно сбил с него спесь. Он предполагал, что сегодняшний мир – далеко не первый. Многие артефакты говорят об этом. Самые древние египетские пирамиды вряд ли были построены местными жителями, откуда у них такие технические возможности? *(Об этом уже не раз писалось в нашей прессе и озвучивалось по телевидению. – Прим. авт.)*. То же самое – и с календарем майя, и с удивительными обсерваториями на дне моря вблизи Кольского полуострова. В мире много загадок, человеческая память пытается сохранить их в виде наскальных рисунков людей в скафандрах, рунического письма и сказаний об Арктиде и Атлантиде. Но разве возможно вот так запросто ответить ей, каково оно – количество древних цивилизаций?

– Нет, не знаю, – сказал Федор, – и любые предположения на эту тему посчитаю вымыслом. Один вон написал, будто наша – седьмая. И он якобы жил в предыдущих. Другой...

– Я вам скажу, – перебила Поэтесса. – На самом деле ваша цивилизация – четвертая. – Почему четвертая?

– Так уж получилось, – с легкой грустинкой произнесла Поэтесса. – Каждый раз мир погибал по вине тех, кто его перед этим строил.

– Извините, но я предпочитаю верить реальным источникам, – возразил Москвин. – В той же Библии не сказано ни о каких прежних цивилизациях.

– Там говорится о допотопном человечестве, его история дается в отдельных фрагментах, и не детализируется. Многие факты – аллегоричны, понять их возможно лишь тогда, когда люди дорастут до подобного понимания. А не дорастут – их проблема. И правильно. Даром полученные знания – опасны и вредны.

– Знания вредны?

– Представьте себе атомную бомбу в руках радикального фанатика.

«С этим не поспоришь!» – внутренне согласился Федор и осторожно задал следующий вопрос:

– Всемирный потоп... он связан с глобальными конфликтами?

– Да. Воюющие стороны решили поставить себе на службу стихию природы. И вот что из этого вышло. Люди воевали не только друг против друга, но и против дома, в котором они жили.

– А спасение Ноя? Что это было?

- Спасением Ноя.
- Но вам ведь известна история Ноева Ковчега?
- В общих чертах.
- Расскажите!

– Зачем?.. Вы еще не готовы к ней. И не надо просить, умолять. Эмоции вашего мира не действуют на меня.

Сказала, как отрезала! Федор интуитивно почувствовал, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут. Однако Поэтесса все-таки бросила одну фразу:

– Библия все описывает удивительно точно. То, что сделал Ной, – был в свое время колоссальнейшим технологическим, нравственным, мистическим и религиозным прорывом. Несмотря на непонимание многих окружающих его людей, он предпринял все для спасения видов живых существ и жизни на земле вообще.

Опять – неразрешимые загадки. Что означает «технологический прорыв для спасения жизни на земле»? Может быть, Ной собрал колоссальный банк яйцеклеток и сперматозоидов каждой из известных ему видов животных, птиц, рыб? Иначе как бы он смог поместить на своем корабле каждой твари по паре? Каких размеров должен быть подобный корабль? Во много раз больше любого межгалактического лайнера... И перед Федором невольно возник человек в очках с взлохмаченными волосами, типичный «ботаник» нашего времени, он что-то изучал, колдовал над препаратами...

Еще одной неразрешимой головоломкой для Москвина было рождение нового человечества от трех сыновей Ноя. Как же долго он искал ответ и в святоотеческой, и в научной литературе. Что за аллегория сокрыта здесь? Как могут шесть человек, трое мужчин и их жены «насытить землю»?.. Что если они совместно производили какой-то массовый «биологический посев»? Производили способом, который нам пока неведом?

Поэтесса говорила еще и о религиозном и мистическом прорыве... Получается, что Ной и его дети получали свои знания от Высшего Разума?

А если предположить, что Высший Разум не только создал нас, но еще и «перенес» на эту планету? Иначе откуда у нас такое стремление лететь к звездам? Вдруг там наш настоящий дом? И именно звездные братья помогали Симу, Хаму и Иафету (*сыновья Ноя*. – Прим. авт.) заселять пустующие территории?

Федор и не сомневался в истинности любых постулатов Библии, поскольку был глубоко верующим человеком. Но он рвался и рвался по нескончаемой дороге не подвластных ему Великих Тайн. Однако такая дорога вела его только к новым тайнам.

– Видите, как все сложно, – засмеялась Поэтесса, а вы говорите о выдающихся возможностях человека.

Сейчас никто из вас не смог бы – не то, что повторить, даже понять спасительный подвиг Ноя.

– Я понял одно: цивилизации возникали, благодаря стараниям людей. И, благодаря их же стараниям, погибали.

– Правильно. Назовем это истиной номер один. И так может происходить до бесконечности. Один мир сменяет другой.

– К сожалению, вы мне ничего не рассказываете о предыдущих мирах... Что до этой истины... Нет доказательств. А словам поверить сложно, даже если очень захочешь.

– Какие доказательства вам нужны?

– Хотя бы глазком взглянуть на ушедшие цивилизации, – засмеялся Федор. – Например, на ту, что предшествовала нашей.

Это был главный аргумент обороняющейся стороны, но его не пробьет никакое нападение. И вдруг...

– Хорошо, Федор Николаевич, я выполню вашу просьбу. Дело было так: в тот злополучный день солнце над Атлантией горело особенно ярко и все больше раскаляло воздух...

– Атлантией? – переспросил Федор.

– Так на самом деле именовалось государство, которое Платон назвал Атлантидой.

– Атлантия, Атлантида, все это лишь...

– Не перебивайте, – резко сказала Поэтесса, – не перебивайте и слушайте, если хотите получить первые зачатки настоящих знаний...

И продолжила свой необычный рассказ:

– Люди в такую жару молили о дожде, они были бы согласны даже на то, чтобы с неба хлынули целые потоки водяной лавы. И чтобы дождь лил целый день и целую ночь...

Федор ощутил эту беспощадную жару, ощутил ее каждой клеткой. Перед ним больше не было ни странной комнаты, ни Поэтессы. И это не Москва, город изматывающей осени. Что здесь за мир? Может все – мираж, который породила магия его таинственной знакомой? Как избавиться от миража? Ущипнуть себя? Протереть глаза?.. И что? Новая реальность не думала исчезать. А вдруг именно она – самая настоящая?

– Эй! – крикнул Федор в неизвестность.

Воздух, который он глотнул, обжег внутренности. Вот и все, что он получил в ответ. Тогда он внимательно огляделся.

Он стоял на холме, вокруг цвел изумрудный мир: тропические деревья покрыты густой зеленью, трава – почти в пояс, птицы пели на разные голоса. Но где люди?

Федор почувствовал, они где-то недалеко, это место не походило на заброшенную чащу. Все ухожено: вон постриженные цветочные газоны, а вон начинаются ровные белые ступеньки. Москвин ступил на одну и осторожно начал спускаться в неизвестность. Жара еще усилилась, пот лился градом, немного спасали падающие от деревьев тени. Федор на несколько мгновений задерживался под их слабой защитой и потом следовал дальше.

Ступеньки закончились, теперь вокруг – напоминающие кольца небольшие сады. Москвин пошел вдоль одного из них и вдруг услышал голоса.

Сначала он обрадовался, но радость быстро уступила место настороженности: как отнесутся к нему местные жители? И как он с ними должен изъясняться?

Голоса звучали рядом, вон оттуда, где в нескольких метрах от него стоял раскатыстый дуб; язык был незнаком; он не похож на европейские. Возможно, какое-то азиатское или африканское наречие?.. Но странно, Федор вдруг понял все, о чем эти люди говорили.

«Как мне это удастся? Возможно, генетическая память возвращает меня к тому, о чем я давно позабыл?»

Федор вновь остановился, в последний раз задумался: стоит ли ему встречаться с незнакомцами? А что делать? Как-то надо разрешить неопределенность.

Он обошел дерево и, наконец, увидел обитателей неведомого места. Это – двое мужчин, одетых в просторные белые одежды, кожа у них смуглая, но тип лица – европеоидный, нечто среднее между южными итальянцами и ливийцами.

Федор приложил руку к сердцу и поднял ее верх. Он стремился показать, что не имеет враждебных намерений. И тут – новая неожиданность: смуглые люди даже не взглянули на него. А когда он обратился к ним на неведомом мелодичном языке, прошли мимо, как мимо пустоты.

И тут до Москвина дошло: он невидим! Путешествует его душа, а тело... Тело осталось в той комнате, где они находились с Поэтессой? Или эти картины каким-то образом вошли в его мозг?..

Чего гадать! Реальность такова: некто, кто еще недавно являлся Федором Москвиным, теперь скитался в ином времени по совершенно иному пространству. Оставалось лишь вслушиваться в разговор незнакомцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.